

Евгений СУХОВ

ЛИХАЯ ШАЙКА

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Лихая шайка

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182920*

Лихая шайка: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35404-7

Аннотация

Москва всегда славилась лихими да фатовыми ворами. Налетчик Арсений Мартынов – как раз из таких. Но даже для жигана вроде него не так-то просто с порога ворваться в узкий круг воровской знати... Во время очередного ограбления шикарного ресторана, где господа размахивают туго набитыми портмоне, а дамы щеголяют в золоте и песцах, Арсений попадает в устроенную полицейскими ловушку. Двое из его подельников погибают на месте, а сам Мартынов, раненный в плечо, запрыгивает в проезжавший мимо случайный экипаж. После встречи с его пассажирами жизнь Арсения изменится круто и бесповоротно...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	66
Глава 8	79
Глава 9	88
Глава 10	95
Глава 11	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Евгений Сухов

Лихая шайка

Часть 1

Разгул преступности

Глава 1

Это налет!

Никто из шумной, богато разодетой публики в «Континентале» не обратил внимания на трех вошедших в просторный зал ресторана людей, вынырнувших из-под плюшевой гардины. Дамы в высоких шляпках с перьями продолжали щебетать об изысках моды. Мужчины, солидно покуривая сигары, традиционно держали речи о политике, что являлось в нынешние беспокойные времена особо престижным. На небольшом возвышении в некотором отдалении от столиков всю старался пленить внимание посетителей квартет музыкальных исполнителей.

В сторону трех визитеров развернулся только один из официантов, находившихся в данный момент ближе всех ко входу, и тут же сложился в почтительном полупоклоне, при-

держивая заставленный грязной посудой поднос на уровне лица. Наибольшее впечатление на него произвел молодой человек в легком длинном пальто с отложным воротником и щегольски заломленной набекрень шляпе. Из-за распахнутого ворота просматривалась белоснежная манишка. Горделивая осанка и словно высеченные искусным скульптором правильные черты лица выдавали в нем человека дворянского происхождения.

Двое его спутников были попроще. Рыжеволосый рябой парень, выглядевший лет на восемнадцать, был облачен в черное полупальто и фуражку с усеченным козырьком. Его маленькие глазки быстро заскользили по колоритным фигурам за столиками. Венчал их трио долговязый нескладный тип в клетчатом сюртуке и такой же жилетке. На торчащей из кармана серебряной цепочке болтались дорогие часы. Головного убора на нем не было. В правой руке – объемный саквояж. Взгляд холодный и усталый.

– Дамы и господа! – громко обратился к завсегдатаям «Континенталья» молодой человек с дворянской осанкой, и разговоры за столиками мгновенно смолкли. Лощеные сытые физиономии с интересом обернулись на говорившего. – Попрошу минуточку внимания!

Последняя фраза адресовалась квартету музыкантов. Они покорно оторвались от своих инструментов.

– Спасибо. – Молодой человек улыбнулся, благодарно приложил руку к груди, а затем так же бодро продолжил: –

Убедительная просьба – всем сохранять спокойствие. Меня зовут Арсений Мартынов. Это налет!

Многие повскакивали с насиженных мест, кто-то опрокинул на пол графин с водкой, дамы истошно завизжали. Мартынов невозмутимо выудил из бокового кармана пальто «наган», поднял руку и выстрелил в потолок. Визги и крики оборвались.

– Ну я же просил, господа, – почти с укором произнес налетчик. – Не нужно паниковать. Мы – люди сугубо интеллигентные, а потому, если вы, конечно, проявите максимум благоразумия, никто не пострадает. В физическом смысле этого слова, – поправился он. – За материальную сторону дела я, как вы сами понимаете, поручиться никак не могу.

Рыжеволосый ощерил в широкой улыбке ряд подгнивших зубов. Шутливая манера Арсения изъясняться всегда веселила его. В его руке тоже появился «наган». Последним продемонстрировал публике огнестрельное оружие худощавый в клетчатом сюртуке.

– Приступим, господа. Для экономии вашего и нашего времени складывайте бумажники и драгоценности перед собой.

Мартынов первым двинулся по проходу между столиками. Его товарищи выбрали ряды справа и слева.

Рука одного из мужчин с длинными седыми бакенбардами и неимоверно большим носом на круглом лице осторожно опустилась под стол, но от цепкого вездесущего взгляда

рыжеволосого этот маневр не укрылся.

– Ну-ка, ну-ка! – Он быстро прошел вперед, и его «наган» уперся мужчине в нос. – Что это мы там прячем, дядя? Лопатник? Или что-то серьезное? Подними руки!

Мужчина заколебался. Рыжий выразительно поцокал языком. Рука клиента медленно поползла вверх, а когда она появилась над поверхностью стола, налетчик заметил направленное в его сторону дуло пистолета. Палец покоился на спусковом крючке.

Реакция рыжего оказалась на безупречном уровне. Стрелять он не стал. Зато, не раздумывая, ударил носатого «наганом» в лицо. Голова последнего дернулась, и рыжий вторым ударом выбил оружие у него из руки. Треснула ножка стула, и мужчина грузно упал на пол. Пистолет отлетел в сторону. Из разбитой губы на подбородок закапала кровь.

– В чем дело, Егор?

– Глянь-ка, Мартын. Похоже, у нас тут легавый. Чуть не убил меня, гаденыш!

Мартынов обернулся. У его худощавого подельника пока все шло гладко. Сгребая одной рукой ценности в саквояж, другой он демонстративно помахивал дулом «нагана».

– Поживее, господа! – поторапливал он. – Вы же не думаете, что мы будем тут развлекаться с вами до утра?

– Один момент, мадам. – Мартынов улыбнулся пышногрудой даме, у которой только что снял с шеи бриллиантовое ожерелье. – Я скоро вернусь. Не скучайте!

Егор уже рывком поднял носатого мужчину на ноги и вновь приставил дуло «нагана» к его лицу. Мартынов приблизился к товарищу со спины.

– Легавый, говоришь? – Он проникновенно заглянул носатому в глаза. – С чего ты взял? Давай-ка удостоверимся. Чтобы никакой ошибки... Вы позволите, господин хороший?

Мужчина смахнул с подбородка кровь и ничего не ответил. Взор на Мартынова хмуро и насупленно. Арсений скользнул пальцами за отворот его сюртука. Спустя мгновение выудил на свет божий удостоверение. Раскрыл его.

– Бондаренко Григорий Степанович. Департамент полиции. Ну надо же! – Мартынов даже присвистнул от удовольствия. – Вы посмотрите, какая важная птица! Очень приятно с вами познакомиться, господин из департамента полиции. Оружием балуемся?

Налетчик нагнулся и поднял с пола оброненный Бондаренко пистолет. Спокойно положил его в карман пальто.

– Это я заберу, – прокомментировал он свои действия. – На память о нашей встрече...

– Грохнем его? – предложил Егор, и его рыжие непослушные вихры, выбивавшиеся из-под фуражки, казалось, запылали огнем еще ярче.

– Ну зачем же? – Уголки губ Мартынова изогнулись книзу, словно его искренне огорчили слова подельника. – К чему такие крайности, Егор? Мы же честные налетчики, а не ду-

шегубцы какие-нибудь. Не вижу смысла брать лишний грех на душу. К тому же господин Бондаренко совсем не опасен. Верно я говорю?

Но и этот обращенный к нему вопрос носатый оставил без должного внимания. Многие из посетителей «Континентала», невзирая на то, что худощавый мужчина в клетчатом сюртуке продолжал хладнокровно сгребать с их столиков бумажники и драгоценности, с интересом взирали на происходящее.

– Просто проводи господина до двери, Егор, и помоги ему спуститься с крыльца пинком под зад. – Мартынов выдал одну из самых очаровательных своих улыбок. – Пусть департамент полиции знает, что мы боимся их не больше, чем приبلудных псов.

Егор, казалось, был немало растерян. Подобный поворот событий обескуражил его.

– Как же так, Мартын? Он же сообщит...

– Не успеет.

Егор пожал плечами. Ослушаться приказа Мартынова он не мог. Больше для остротки, нежели с какой-то иной целью, рыжеволосый налетчик двинул Бондаренку кулаком под ребра и, когда тот сложился пополам, грубо поволок его к выходу из ресторана. Мартынов молча проследил за тем, как оба скрылись за плюшевой портьерой. Затем бодрым шагом вернулся к оставленной им женщине с пышным бюстом.

– Прошу прощения за досадный инцидент, мадам. На чем

мы остановились? Ах да! Позвольте вашу ручку.

Женщина машинально вложила кисть в изящную, с длинными, словно у пианиста, пальцами ладонь Мартынова. Арсений слегка склонился, вроде как с намерением запечатлеть поцелуй, а затем ловко стянул с дамы перчатку. Бриллианты в золотой оправе засверкали всеми цветами радуги в лучах электрического света.

– Глянь-ка, Матвей. – Мартынов привлек внимание подельника в клетчатом сюртуке. – Красотища-то какая! А? И не стыдно вам, дамочка, такие изыски под перчатками прятать? А, понимаю! Это вы только мне не желали их показывать. Нехорошо. Право слово, не хорошо.

Женщина попыталась высвободить руку, но Мартынов не позволил ей этого сделать. Упражняясь в красноречии и сарказме, он не забывал при этом легко стягивать перстни с дамских пальчиков и переправлять их в карман своего пальто. На губах Арсения играла обворожительная улыбка. Шляпа еще больше съехала ему на затылок.

– Позвольте...

Мартынов обернулся. Мужчина в дорогом смокинге и в маленьком серебристом пенсне, свисавшем с кончика носа, предпринял попытку подняться из-за столика.

– Позвольте, господа! Вы не имеете права! Вы знаете, кто я такой?..

Судя по всему, он был кавалером той дамы, пальцы которой оголялись усилием Мартынова.

Арсений резко распрямился и вскинул руку с «наганом». Грохнул выстрел, и пуля, просвистев в опасной близости от виска мужчины, вонзилась в стену чуть ниже потолочного перекрытия. Мартынов пижонски дунул на дымящийся ствол «нагана», наблюдая за тем, как мужчина с побледневшим лицом рухнул обратно на стул.

– Прошу прощения. – Губы налетчика вновь растянулись в чарующей улыбке. – Я вас, кажется, перебил, милейший. Ну что вы? Продолжайте! Вы, как мне показалось, намеревались рассказать мне, кто вы такой. Я внимательнейшим образом слушаю вас.

Мужчина только покачал головой из стороны в сторону и ничего не ответил.

– А знаете? Я и так догадываюсь, кто вы. – Мартынов почесал подбородок дулом «нагана». – Вы тот, кто только что чудом избежал смерти. И лишь благодаря моему врожденному благородству. Я не люблю без нужды марать руки кровью. Спасибо, что избавили меня от этого. Спасибо вам всем! – Он окинул долгим взглядом притихший зал «Континенталья». – Спасибо за понимание, спасибо за участие... Поверьте, мы с друзьями глубоко ценим все то, что вы для нас делаете. Попрошу ваш бумажник, милейший друг.

Мужчина беспрекословно выложил на стол то, что от него требовалось. Мартынов подхватил бумажник и взвесил его на ладони. Заглядывать внутрь он не счел нужным. Спокойно опустил трофей в карман и шагнул к следующему столи-

ку.

– Джентльмены, – он приветствовал кивком троих сидящих господ. – Чрезвычайно признателен вам.

Вернулся Егор. Отбросив плюшевую портьеру, он стремительно вошел в зал.

– Мартын!

– Да?

– Надо уходить. – Длинные рыжие вихры Егора выбились из-под фуражки, а его и без того маленькие глазки сузились в хищном прищуре. Он косо посмотрел на музыкантов. – Я думаю, легавые нагрянут сюда с минуты на минуту. Ты бы видел, как прытко побежал этот тип. Зря ты его помиловал, Мартын.

Арсений встретился взглядом со вторым подельником.

– Как у тебя, Матвей?

– Порядок.

Клетчатый похлопал рукой по объемному саквою, а затем молча поднял вверх два пальца правой руки. Это значило, что у него на повестке еще два столика. Мартынов кивнул.

– Мы приносим свои извинения за доставленные неудобства, господа, – пафосно произнес он. – Продолжайте отдыхать и развлекаться. Маэстро! Легкую музыку!

Мартынов щелкнул пальцами. Квартет музыкантов тут же исполнил его пожелание. Налетчик спрятал «наган» в карман.

Егор первым покинул ресторацию. За ним последовал Арсений. Замкнул шествие Матвей, покачивая на ходу саквояжем.

С момента вторжения трех налетчиков в «Континенталь» не прошло и десяти минут. Онемевшая публика растерянно взирала на покачивающуюся портьеру.

Глава 2

Надлежит принять меры

– Ну где же это, батенька, видано, чтобы знатных господ средь бела дня в ресторациях грабили! – Обер-полицейский цокал каблуками по паркетному полу своего кабинета. – Да и вы сами тоже хороши, Григорий Степанович! И зачем только вам оружие? Нешто выучка у вас неладная? И еще... Негоже мне, конечно, интересоваться, но все-таки... Что вы там делали, Григорий Степанович, в этом ресторане? Если мне не изменяет память, вам, батюшка, следовало быть на службе. А вы изволили в ресторане с дамой обедать. Как же так?

Участковый пристав Григорий Степанович Бондаренко покраснел до ушей.

– Так ведь, ваше благородие... С вашего дозволения... Я по службе там, на казенное жалованье... Подозреваемого в ограблении банка выслеживал. А по случаю вот в переделку попал.

– А с дамой почему? Казенного жалованья на то, чтобы дам по ресторациям водить, не дается, – свирепо прошипел обер-полицейский.

– Так я на собственные капиталы даму с собой привел. И то для усиления, так сказать, эффекта. Натуральнее вроде так выходило. А то мужчина в ресторане без дамы... Подозрительное впечатление могло сложиться.

Видно было, что полицейский выдал заранее заготовленную на случай разоблачения фразу.

— И ведь дал бог такую удачу! Могли бы ведь преступника изловить! — меж тем продолжал сетовать полковник.

— Так ведь я, ваше благородие, по предписаниям действовал... Да только я пистолет вынимать, он меня хватить прямо по носу рукояткой, — Григорий Степанович слегка гнусавил. Расшибленный рыжеволосым во время варварского налета нос имел теперь лиловый оттенок. — Так я на время сознания лишился, а когда очнулся, ваше благородие, уже поздно было. Преступник завладел моим «наганом». Они сноровисты, эти бандиты, должен заметить...

Ситуация требовала немедленных действий со стороны чиновника Городского полицейского управления Петра Лазаревича Пороховицкого. Варварское нападение на почтенных господ в ресторане «Континенталь» уже успело наделать много шума. О нем трубили утренние газеты, о нем говорили на улицах, в кабинетах. Да и в светских салонах эта тема была у всех на устах. Ко всему прочему адъютант градоначальника уже не единожды являлся в кабинет обер-полицмейстера с приглашением Пороховицкого явиться к генерал-губернатору «на прием».

Бондаренко резонно рассчитывал на то, что выволочка на ковре у начальства не затянется.

— Ладно, Григорий Степанович, это мы с вами позже обсудим. — Пороховицкий бросил взгляд на часы. — Пора мне

ехать к градоначальнику. Через пять минут трогаемся.

Обер-полицмейстер приблизился к столу и принялся собирать вещи.

– Но ведь каков! – не унимался он. – Всегда он свои преступления клоунадой какой-то оборачивает! «Это налет!», «Убедительно прошу!», «Дамы и господа!»... Так ведь, Григорий Степанович?

– Точно так, Петр Лазаревич. Именно так, – подтвердил полицейский. – Да еще и имя свое объявляет! Прямо так и сказал: «Арсений Мартынов»! А те двое – рыжий и клетчатый – подле стояли. И, ваше благородие, так и пялились на него...

– И где только этот бес слов таких понабрался? Ведь университетов небось не кончал? А вы, Матвей, так и запишите в протокол за Григорием Степановичем, – обер-полицмейстер обратился к молодому человеку с тонкой полоской усиков над верхней губой, сидевшему за столом в дальнем углу кабинета, – что, мол, припадении пользуется он такими-то словами и выражениями. Что язык у него сложен. И наружности какой, тоже запишите...

– Да-с, ваше благородие. Так и записал все. – Молодой человек склонился в учтивом полупоклоне.

– Продолжайте, Григорий Степанович! Опишите нам этого налетчика еще раз. Да теперь медленно, чтобы писарь протокол верно составил, – приказал полковник и тяжело опустился в массивное вольтеровское кресло у рабочего стола.

– Вот наружность-то его я, как есть, на всю жизнь запомнил, – охотно подхватил полицейский. – Ходит он, как гусь! Подбородок кверху задран. Голова гордая. Пальтишко на нем модное суконное было. С черным бархатным воротником. Шляпа шелковая. Вокруг тульи черная репсовая лента. Это я почему запомнил? Таких модников и в ресторане иной раз не встретишь. Вот, долговязый, к примеру. Дружок евонный. Расфранченный едва ли не больше первого. Пиджак и жилет на нем был. По черному – белая клетка. Мелкая. Брюки черные, суконные с лампасом. Как на парад готовился... Иной раз и на приличном человеке такого туалета не встретишь. А тут бандиты.

– Так... Ну а третий налетчик? – Обер-полицмейстер снова встал и прошелся по кабинету.

– А третий – совсем мальчишка. А зато вид у него каторжный, как есть говорю. Патлатый. Волосы рыжие. Глаза карие, маленькие. И так и бегают... Так и бегают из угла в угол. Лет восемнадцать ему отроду. Не боле...

Дверь кабинета отворилась и в комнату вошел адъютант Пороховицкого с пачкой бумаг.

– Ваше благородие, разрешите доложить! – Адъютант, лысеющий мужчина с реденькой бородкой, остановился в нескольких шагах от обер-полицмейстера. – Тут, ваше благородие, описи украденных ценностей во время нападения в «Континентале». И еще пристав с докладом прибыл. Как велите распорядиться?

– Вели войти.

Пороховицкий взял из рук подчиненного документы. Адъютант, поклонившись, удалился.

– Так... Ну и что там? Посмотрим. – Полковник придвинул к себе бумаги. Пробежав взглядом первый лист, болезненно поморщился. – У одних только Шемякиных драгоценностей на тысячу с половиной украли. И денег триста рублей.

– Да-а!.. – протянул Бондаренко.

– Вот так-то.

Пороховицкий перевел взгляд на участкового пристава, который появился в дверном проеме.

– Разрешите, ваше благородие, доложить! – с порога начал вошедший. – По вашему поручению лично встретился с пострадавшими во время ограбления в «Континентале», а также в Малом театре и в театре «Корша». Следствие показало, что налеты совершались одной и той же бандой. Преступники, а всего их было трое, дерзким образом врываются в помещение с одними словами: «Это налет!» Забирают ценности и деньги. Затем садятся в экипаж и уезжают.

– А что же околоточные да иные полицейские чины? Да неужто никто изловить их не мог? – Пороховицкий с досады стукнул кулаком по столешнице.

Стол красного дерева с бронзовой окантовкой углов чуть слышно скрипнул.

– Пытались, ваше благородие. Но преступники вооружены «наганами». При одном из налетов был ранен околоточ-

ный, – пристав замолчал, ожидая дальнейших указаний начальства.

Полковник встал из-за стола:

– Что еще?

– Всего награблено ценностей и денег было на двадцать пять тысяч рублей, – продолжил урядник. – Из них на пять тысяч – драгоценности и деньги князя Юровского. Их сиятельство отказался меня впускать. Говорят, что не желают с низшими чинами разговаривать. Велел передать, что лично хочет с вами встретиться...

– До того ли мне сейчас! – оборвал докладчика Пороховицкий. – Все это после. Надо перво-наперво преступников изловить. Идите, батенька, идите. После поговорим. Меня градоначальник дожидается. Хорошо еще в департамент полиции не требовали...

Полковник дождался, когда пристав покинет кабинет.

– Пора мне, Григорий Степанович, ехать. Не на пряники, конечно, удаляемся. Но что делать? За дело стегать будут. – Пороховицкий в сопровождении пристава вышел из кабинета. – Григорий Степанович, велите в мое отсутствие людей инструкциями снабдить в отношении следующего. Я полагаю, что единственный способ поймать преступников – это застукать их с поличным. На месте преступления, так сказать.

Пороховицкий решительным шагом пересек фойе Городского полицейского управления.

– Начнем облавы. Посадим своих людей в ресторанах. Подсадная утка – давний, отлично зарекомендовавший себя прием. Куда они, по-вашему, могут направиться, Григорий Степанович?

– Где публика посolidнее. В «Эрмитаже», в «Яре», например, сановитые-то люди обедают, ваше благородие. В «Стрельне» да в «Альпийской розе» тоже можно, пожалуй, засаду учинить. А еще в клубах различных. В «Купеческом», в «Английском», в «Охотничьем»... Да, и «Тестовский трактир» тоже, бывает, купцами приезжими посещается. Барыши у них немалые...

Григорий Степанович был рад, что его промах был столь снисходительно воспринят начальством. Забежав на несколько шагов вперед, Бондаренко открыл перед полковником тяжелую дубовую дверь. Затем вслед за обер-полицмейстером шмыгнул в проем.

– Я лично сяду в одном из ресторанов, – произнес Пороховицкий, направляясь к пролетке. – Учитывая то, что преступники вооружены и опасны, в каждом ресторане должно быть не меньше трех околоточных, переодетых, к примеру, в швейцаров да в половых. Так, Григорий Степанович?

– Совершенно так, ваше благородие, – закивал Бондаренко, торопливым шагом двигаясь рядом с трогающейся с места пролеткой. – Я уверен, что Мартынов и его сообщники не иначе как сегодня – завтра предпримут очередную попытку ограбления. Он дерзок. Тут-то он и угодит в наши сети...

Прямехонько, ваше благородие.

Полицейский еще несколько секунд бежал рядом с Пороховицким и стал отставать только тогда, когда лошадь перешла на рысь.

Вскоре экипаж полковника, управляемый лихим извозчиком, известным на всю Москву своей быстрой ездой, подкатил к губернаторскому дому.

Швейцар учтиво раскланялся, завидев Пороховицкого, поднимающегося на крыльцо. Вид у полковника, всегда внимательного по отношению к прислуге, был мрачный. Поэтому старик Филипп вместо привычного «Будьте здоровы, Петр Лазаревич! Здравие и благоденствие вашим близким» ограничился лишь коротким: «Здравия желаю!»

Через минуту Пороховицкий уже был в кабинете градоначальника, куда после донесения о нем генеральского адъютанта обер-полицмейстера пригласили без промедления.

– Ждем, ваше благородие, Петр Лазаревич. Ждем! Уже третьего часу, как посылали за вами, – произнес Бездомников, завидев в дверях полковника. – Дела-то по Москве нешуточные творятся.

– Виноват, ваше сиятельство!

Полковник прошел на середину комнаты и остановился перед столом губернатора.

– Допрос свидетелей вчерашнего ограбления в «Континентале» устраивал. Нельзя было медлить. Деяния этой шайки уже переходят всякие границы... Да виданное ли дело!

Какие-то три преступника всю Москву с ног на голову перевернули!

– Да, Петр Лазаревич, об этом и хотел толковать с вами, дорогой.

Генерал Бездомников был седой почтенный мужчина. Восседал он в кресле подле своего рабочего стола. Широкие мужицкие ладони покоились на столешнице. Из-за разницы в возрасте с большинством из своих коллег генерал общался с некоторым налетом снисходительности. Так было и с Пороховицким.

– Если так будет продолжаться, Петр Лазаревич, нам не избежать с вами крупных неприятностей, – назидательно продолжил Бездомников. – В Москве уже стали поговаривать о бездействии властей. Что, мол, по городу разгуливают отъявленные бандиты, а полиция да градоначальство, мол, попустительствует!..

– Но это не так, ваше сиятельство, Кирилл Матвеевич!.. – попытался возразить Пороховицкий.

Однако усилие полковника вышло не слишком убедительным. Крыть ему действительно было нечем. Преступники продолжали свое победоносное шествие по самым дорогим московским ресторанам. Бесчинствовали в барских домах, в театрах. Ночью грабили простой люд и купеческие лавки.

– Да я-то понимаю, Петр Лазаревич. – Генерал постучал пальцами по столу. – Но что с того? Чем мы сможем защитить честь мундира, если у нас случаются подобные эпизо-

ды?

Генерал встал и прошелся по комнате. Затем резко развернулся к Пороховицкому.

– Что, кстати, позвольте полюбопытствовать, показало дознание по делу о нападении на «Континенталь»? Опять дело рук этих... Как их там?.. Вайсман?

– Никак нет, ваше сиятельство! Я склонен предполагать, что нет, – начал Пороховицкий. – Налетчик не скрывает своего имени. Его зовут Арсений Мартынов, как он сам представляется...

– Что значит, представляется? – Глаза генерала округлились. Бездомников расстегнул верхнюю пуговицу своего мундира. – Это что же, прямо так и говорит, что я, мол, Арсений Мартынов, пришел вас ограбить?

– Именно так, ваше сиятельство. Как это ни странно, – подтвердил Пороховицкий.

– Дела! Отстал я от жизни. И что же это за ком с горы, этот Арсений? – Насупленное выражение лица генерала сменила заинтересованность. – Это что-то новое... Чтобы грабитель называл свое имя при совершении злодеяний! Не может такого быть! Как же это?

– Я вынужден это констатировать, Кирилл Матвеевич. Арсений Мартынов, по имеющимся у меня агентурным данным, не имеет никакого отношения к Хитровским трущобам. А по сему и к группировке сестер Вайсман не принадлежит.

— Вот это вы меня, батенька, потешили. — Генерал покачал головой. Его круглое добродушное лицо расплылось в улыбке. — Такого еще в Москве никогда не было. И чтобы знатных господ так обесчестить! Представиться, а потом и обождать! И что же вы сами думаете по этому поводу, Петр Лазаревич? Я правильно понимаю, ограбление в «Континентале» — это не первый подвиг... Как вы его там?..

— Мартынов по фамилии он. Арсением зовут. Нет, ваше сиятельство, не первый. На прошлой неделе, к примеру, злоумышленник наведывался в «Тестовский трактир» с точно таким же спектаклем.

— Да, дела творятся! — протянул генерал. — Так, может быть, и Сибирский банк ограбил тот же ваш... Как его там?..

— Мартынов, — вновь подсказал полковник. — Нет, ваше сиятельство, у меня на этот счет другие сведения. Здесь как раз замешаны сестры Вайсман. У меня есть дактилокарта медвежатника, который осуществлял взлом. Это старый вор-рецидивист. Его имя Поликарп Дмитриевич Скороходов. Каторжанин. Арестован был за взлом банка и кражу имущества одного. А как дознание провели, так оказалось, что на нем еще десятка два преступлений числится. Бежал он. Тогда бандиты отбили его при этапировании, убив конвойных...

— Дела, дела. — Бездомников покачал головой. — Продолжайте, Петр Лазаревич. Любопытно даже вас послушать. Чего только не бывает в жизни!

— В общем, из хитровских этот Поликарп. Так же, как и

бандит Иннокентий Никаноров по кличке Крестовый, принадлежащий к той же группировке сестер Вайсман. Известный домушник. Крестовый работает в паре с Евстафием Дубининым. Это их рук дело – ограбление купеческой лавки Верхоглядова, если помните.

– Как же не помнить? – Генерал причмокнул губами.

– Так вот, – продолжил Пороховицкий. – Доподлинно известно, что взлом замков в лавке осуществлял тот же медвежатник, что вскрыл банковские сейфы. То есть Поликарп Скороходов. А Крестовый в паре с Дубининым обчистили лавку.

– Да, Петр Лазаревич, дела! – вновь повторил генерал, с нескрываемым интересом слушая доклад обер-полицмейстера.

– В архивах накопился кое-какой материал еще об одном бандите. Это марвихер, ваше сиятельство. Зовут преступника Павлуша Знаменцев. По кличке Змей. Весьма интересный тип... И откуда только такой на Хитровке объявился? По имеющимся агентурным данным, Змей пришел в Москву с Волги. Красив наружностью. Бывает в клубах. «Охотничьем», «Купеческом», даже «Английском». Воспитан. Знакомится в основном с состоятельными дочерьми богатых купчих. Бывает, что и с курсистками. Заманивает их с помощью обольщения в номера и после со всем их состоянием уходит. Так-то! А ведь часто, особенно купчихи, не скупятся на украшения... Доход приличный от таких знакомств вы-

ходит.

– Да что же это такое? – неожиданно оборвал полковника Бездомников. – Коли все сие известно, так почему же преступники до сих пор в острог не заперты?

Генерал посмотрел на Пороховицкого так, будто перед ним был не главный полицмейстер Москвы, а воспитанник юнкерского училища.

– Они, как угри, ваше сиятельство. Попробуй, поймай их в московских трущобах! Рвань их покрывает, потому что они ей смертоубийством грозят. Так они умеют в подворотнях и дворах московских затеряться, что и следа потом не сыщешь. Но мы на них управу найдем, ваше сиятельство, Кирилл Матвеевич. Не будь я Пороховицким!

– Надеюсь, Петр Лазаревич. – Взгляд генерала несколько смягчился. – Надеюсь... А то мы с вами главнейшие, так сказать, чины в Москве перед самым царем-батюшкой ответ будем держать за порядок. На днях в Петербург отбываю. Так его величество, государь, как пить дать, осведомляться станет про все дела наши. Ну и по части порядка испросит. Сами знаете, что по моей части касательно, то с вашей теснейшим образом, так сказать, связано.

Пороховицкий, несколько лет знавший Кирилла Матвеевича, прекрасно изучил характер последнего. Добродушный по своей природе, генерал страдал от того, что по роду службы ему приходилось быть жестким и даже жестоким. Именно от этого Кирилл Матвеевич частенько «закладывал за ворот-

ник». Вот и сегодня Бездомников явно успел принять «легкий завтрак». Пороховицкий отчетливо уловил легкое амбре, когда генерал, встав со стула, принялся ходить по своему кабинету.

– Ну и какие же у вас планы, Петр Лазаревич? Как вы думаете остановить бесчинства этих бандитов? – Генерал показал Пороховицкому на стул для посетителей, приставленный к своему столу. – Да вы садитесь. И обстоятельно со мной поделитесь вашими планами.

Полковник сел.

– Во-первых, в нескольких ресторанах Москвы, где любят знатные господа откусать, под видом праздных посетителей будут дежурить полицейские урядники и околоточные. И как только преступники появятся, полиция их тут же и схватит. К тому же планируем провести облавы на Хитровке в ближайшие дни. Есть у меня кое-какие сведения о местонахождении некоторых бандитов.

– Давайте-давайте, батенька. – Генерал одобрительно покачал головой. – Бог, как говорится, вам в помощь, Петр Лазаревич! Одно только могу сказать: знатная Москва не терпит, чтобы над ней глумилась стайка каких-то хитрованских оборванцев! Будь то бандиты из группировки Вайсман или этот ваш шут гороховый. Как его там, забываю...

– Мартынов, – подсказал Пороховицкий.

– Да, Мартынов. Точно так. Шут этот Мартынов. Я возлагаю на вас большие надежды, батенька. А теперь, ступай-

те, полковник. Меня другие дела ждут. Не менее важные. А как новости у вас какие будут, без промедления мне докладывайте.

Глава 3

Малина на Хитровке

Пролетка с сидящим на козлах кучером скользила по хитро-сплетениям улиц Хитрова рынка как тень. Опытный и искусенный в подобных вопросах возница профессионально выбирал маршрут потемнее и понеприметнее. Но тем не менее находившийся в пролетке Крестовый все равно то и дело оглядывался через плечо. Улицы были пустынными.

Крестовый поднялся во весь рост.

– Придержи, Емельян!

– Тпру! – Кучер слегка натянул поводья, но не позволил двум запряженным в пролетку вороным полностью остановиться.

Крестовый прыгнул на булыжную мостовую, а экипаж с Емельяном тут же скрылся в ночи. На небе поблескивали отдельные звездочки. Луны почти не было видно за сиренево-дымчатыми облаками.

Крестовый вновь оглянулся через плечо, привычно держа правую руку в кармане длинного черного пальто. Пальцы Кеши уверенно сомкнулись на холодной рукоятке «нагана».

Из ближайшей подворотни вынырнула высокая худощавая фигура человека в заломленной на бок фуражке. Глаза Крестового сошлись в подозрительном прищуре, но уже через секунду он позволил себе расслабиться. Этого человека

Кеша отлично знал. Жердь вышел из беспризорников, рожденных когда-то здесь же на улицах Хитровки, но, несмотря на свои тридцать лет, так и не сумел подняться по иерархической лестнице криминального московского мира. Он жил и питался тем, что «держал тучу». Воры иногда брали Жердь с собой на дело, но лишь в самых крайних случаях. Да и то в качестве человека, остающегося на стреме.

– Привет, Крестовый! – Голос Жердя звучал глухо и надтреснуто из-за перенесенной еще в детские годы ангины. – Как прошел денек? Наваристо?

Кеша не подал руки для приветствия. Мазнув коротким взглядом по нескладной фигуре бывшего беспризорника, он снова всмотрелся в темноту переулков. Дом, который был нужен Крестовому, располагался всего в паре кварталов отсюда, и опытный урка прекрасно понимал, что присутствие Жердя тут явно неспроста.

– На шухере, что ли, стоишь?

Жердь кивнул. Его гнилые зубы сжимали нераскуренную папиросу. Большой крючковатый нос скрывал едва ли не половину лица.

– Да, птичка насвистела, что облава может быть в любую минуту. Легавые рвут и мечут. Все подступы к Хитровке перекрыты. Ты бы поостерегся, Крестовый. Говорят, уж шибко до тебя дело у легавых имеется.

– Ничего, прорвемся. – Крестовый приподнял воротник пальто и пробежался рукой по небритому подбородку. –

Сестры здесь?

– Только Капитолина.

– Хорошо.

Крестовый двинулся по переулку. Теперь оглядываться и держать руку на оружии ему было ни к чему. Если хитровские выставили по периметру надежные кордоны, ни одна мышь не проскочит на территорию незамеченной.

Кеша остановился у двухэтажного дома с фасадом из желтого кирпича, закурил и решительно распахнул дверь.

– Какие люди! Кеша!

– Вот кого нам не хватало!

– Иди к нам, Крестовый! Перекинемся в колотушки!

– Да чего вы привязались к человеку? Дайте лисаку отдышаться. И плесните-ка лучше самогончику! Садись, Крестовый!

На малине собралось человек десять. Не считая марух, кочевавших с колен одного завсегдатая на колени другому. В основном зале шла игра в карты. Банк метал маленький лысый тип с косым шрамом поперек правой щеки. Крестовому уже приходилось видеть его прежде, и он знал, что квалификация лысого – жирмач. Но личного знакомства они не водили. Кеша не знал даже его клички.

Жирмач был уже изрядно навеселе. Карты неловко скользили у него между пальцев. Впрочем, в таком же состоянии были практически и все остальные. Стол не ломился от изобилия яств, но со спиртным проблем не было.

Кто-то протянул Крестовому наполненный всклинь гра-
ненный стакан. Кеша залпом осушил его, поморщился и под-
хватил с ближайшей тарелки малосольный огурец.

– Другое дело, а! Сразу видно – наш человек!

На плечах у Крестового тут же повисла маруха. Он ски-
нул ее. Лунолицая девица с ярко подведенными большими
глазами обиженно надула губки и отступила. За столом за-
смеялись.

Кеша еще раз обвел взглядом присутствующих и остано-
вил его на вихрастом парне лет двадцати пяти с побитым
оспой лицом. Тот занимал место не за общим столом, а в
полутемном углу залы на кривоногом турецком диванчике.
Все внимание вихрастого было сосредоточенно на молодень-
кой белокурой девушке с двумя заплетенными косами, си-
девшей у него на коленях. Запустив руку под платье марухи,
парень, с похотливой улыбкой на губах, исследовал провор-
ными юркими пальцами молоденькое девичье тело. На появ-
ление Крестового он, казалось, и не обратил ни малейшего
внимания.

Кеша криво усмехнулся и напрямик двинулся к вихрасто-
му.

– Бог в помощь, Евстафий!

Парень вздрогнул и поднял глаза на Крестового. Рука вы-
нырнула из-под платья девицы.

– А, привет! Что-то ты поздненько, Кеша.

– Пошли. – Крестовый чуть качнул головой в направлении

широкой дубовой лестницы, ведущей в апартаменты второго этажа. — Разговор у меня к тебе имеется.

— Ты один? — живо поднялся на ноги Евстафий. — А Поликарп где?

— Поликарпа сегодня не будет, — ответил Крестовый.

Они вместе поднялись по лестнице. В полутемном холле второго этажа Кеша остановился и прислушался. При пьяном гомоне, доносившемся снизу, разобрать что-то еще было практически невозможно. Евстафий указал другу на дубовую массивную дверь в Розовую гостиную.

Крестовый вошел первым. Евстафий, наскоро пригладив вихрастые непослушные волосы, последовал за ним.

В комнате царил чисто парижский интерьер. Бордово-пурпурная гамма, роскошные пушистые ковры, множество ламп и светильников с разноцветными абажурами, а на противоположной от входа стене, как последний шик моды, японские гравюры с гейшами и актерами театра кабуки.

Капитолина Вайсман, женщина тридцати пяти лет, с копной роскошных темных волос и заостренными греческими чертами лица, вольготно расположилась в глубоком кресле с газетой в руках и неизменной табакеркой на подлокотнике. Привычка Капитолины нюхать табак давно уже стала притчей во языцех. Так же как и ее страсть к коллекционированию прессы, освещавшей криминальные хроники столицы.

При появлении Кешы и Евстафия Вайсман отложила газету и приветствовала вошедших легким и почти величествен-

ным наклоном головы. Подниматься она не стала. Крестовый сам приблизился к ее креслу, склонился и галантно поцеловал Капитолине руку. Полы его длинного пальто коснулись ворса ковра.

– Мое почтение, мама.

Капитолина недовольно поморщилась:

– Ты сам еще не устал от своего сарказма?

Евстафий негромко хмыкнул и опустился на диванчик рядом со входом.

– Какой сарказм, Капочка? – Крестовый скинул пальто и остался в белой рубашке навыпуск. Из нагрудного кармана свисали золотые часы на цепочке. – Ты же мама для всех нас. Так уж получилось. И мое напоминание только...

– Хватит, – небрежно оборвала его Вайсман. – Садись уже, фигляр. Что расскажешь?

Крестовый не заставил Капитолину повторять свою просьбу. Придвинув ногой стул, он лихо оседлал его верхом и уперся острым подбородком в высокую деревянную спинку. Расположившись по центру гостиной, Кеша имел возможность отлично видеть и Капитолину, и сидящего на диване Евстафия. Он обратился к ним обоим.

– Есть одна хорошая наводка. Можем снять с дела сразу несколько десятков тысяч. Золотом и камушками. Сбыт я беру на себя. Уже договорился.

Капитолина взяла понюшку табака. Ее воздушное платье пурпурного цвета как нельзя лучше сочеталось с парижским

интерьером гостиной.

– Что это за наводка? – спросила она.

– Ювелирная лавка на Сретенке. Владелец некий Войнович. Из евреев. Я сам лично все проверил на месте, Капочка. Только что оттуда. На ночь Войнович убирает весь свой товар в сейф. – Крестовый презрительно усмехнулся. – Хотя сейфом его допотопную коробочку можно назвать с огромной натяжкой. Открывается при помощи фомки. Одним легким нажатием. Нам в этом деле даже не понадобится Поликарп.

– Вот так все просто? – В голосе Вайсман скользнуло недоверие.

Она стряхнула с платья оброненные крошки табака. Затем взяла со спинки кресла персидскую шаль и набросила ее себе на плечи.

– Не совсем, – с улыбкой признался Крестовый. – В лавчонке сторож имеется.

– Старик? – живо подключился к дискуссии до сих пор хранивший сосредоточенное молчание Евстафий.

Кеша видел, как азартно загорелись глаза его подельника.

– Нет, не старик. Ему лет сорок. Крепкого телосложения. Да и двустволка у него под рукой все время. Так что лезть на рожон мы не будем. Я все продумал. Слышали про волчью разводку?

– Чего? – Евстафий удивленно вскинул брови.

Капитолина промолчала.

Крестовый пружинисто поднялся на ноги и прошелся по комнате. Невольно бросил взгляд на газету, отложенную Вайсман на журнальный столик. Заголовок на первой полосе гласил: «Дерзкое ограбление купеческой лавки Верхоглядова!» Кеша усмехнулся. Сам он газет не читал, но со слов Капитолины прекрасно знал, насколько часто газетчики склонны к разного рода преувеличениям. И это его забавляло. Лавку того же Верхоглядова, например, не так давно брал лично он сам. В паре с Евстафием. И ничего особо дерзкого там не было. А пресса!.. Она наверняка подаст это дело так, что на Верхоглядова напала хорошо вооруженная банда как минимум из десяти налетчиков. Так писалось всегда.

– Волчья разводка. – Крестовый остановился у окна, слегка отогнул занавеску и выглянул на улицу. – Сколько стоящих сторожевых псов погорело на этом. Не счесть. Но это лишний раз подтверждает, насколько умный народ – волки.

– Ты нам расскажешь, что это такое, или нет? – не вытерпела Капитолина.

Крестовый обернулся:

– К псу подходит только волчица. Одна. И начинает заигрывать с ним. Дурачок виляет хвостом и не замечает момента, когда самка подает сигнал двум или трем самцам, сидящим в засаде. Те приближаются к жертве сзади и – раз! Пес даже пикнуть не успевает. В считанные секунды от него остаются одни обглоданные кости.

Евстафий снова хмыкнул. Мысль подельника стала для

его предельно ясно. Он покрутил в руках все ту же нераскуренную папиросу, но в зубах ее уже не пристроил. Убрал в нагрудный карман сюртука.

– Ты предлагаешь нам таким образом избавиться от сторожа ювелирной лавки?

– Не совсем. – Крестовый покачал головой. – Мы же все-таки не волки. Достаточно будет оглушить его. И тем самым вывести из игры. Он и не очухается до того момента, пока мы не вынесем оттуда все подчистую.

На некоторое время в гостиной повисла пауза. И Капитолина, и Евстафий прекрасно знали, что ни один план ограбления Кеша не предлагает с бухты-барахты. Если он открывает очередную наколку, то, значит, уверен в успехе налета на сто процентов. Не в правилах приемного сына ныне покойного Михайло Вайсмана идти на неоправданный риск. Ни лихости, ни отчаянности в поступках Крестовому, конечно, было не занимать, но Капитолина видела, как он с каждым годом матереет все больше и больше. Недалек тот час, когда Кеша сможет на законных правах сместить ее с позиции «мамы». И Вайсман не имела ничего против этого. Груз ответственности давил на нее. Если бы не папенькина светлая память, кто знает, может, она давно бы уже передала бразды правления кому-нибудь другому. Но кому? Только Крестовому. Он будет готов. В самом ближайшем будущем.

– Ну хорошо, – с улыбкой молвила Капитолина, поплотнее запахивая на груди шаль. – И кому же в своем плане ты

отводишь роль волчицы? Неужто мне, Кешенька?

Он ответил ей точно такой же открытой и располагающей улыбкой. Ряд ровных белоснежных зубов задорно сверкнул в лучах настенных светильников.

– А почему бы и нет? Тебе вполне по силам справиться с такой задачей...

– О чем речь, господа? – раздался с порога гостинной мелодичный меццо-сопрано. – С какой это такой задачей могла бы справиться Капа, с какой не смогла бы совладать я? Это, право, обидно, Крестовый.

– Лиза! – Кеша широко раскинул руки в стороны.

Евстафий порывисто поднялся с дивана. Его и без того розовые от природы щеки залились прямо-таки багряным румянцем. В присутствии младшей из сестер Вайсман двадцатипятилетний налетчик чувствовал себя крайне скованно и стеснительно... Впрочем, Лиза нравилась не только ему одному. Лиза нравилась всем.

Миленькое овальное личико, близко посаженные друг к другу выразительно-голубые глаза, рассыпчатые светлые волосы, гораздо более пышные, чем у старшей сестры, рельефно выступающие скулы и маленькая очаровательная ямочка на чуть заостренном подбородке. Лиза словно сошла с пушкинских строк, в которых великий поэт уходящего столетия воспевал своих бесчисленных возлюбленных.

– Не пригласите меня в ваше милое общество?

– Садись, Лиза. – Капитолина приветливо кивнула сест-

ре. – Кеша рассказывал нам тут о волчьей разводке.

– Что это такое?

Эlegantным движением поправив платье, Лиза опустилась на диван и картинно сложила руки на коленях. Евстафий остался стоять рядом с ней, с удовольствием взирая на девушку сверху вниз.

Крестовому пришлось еще раз озвучить душещипательную историю о бесславном конце многих сторожевых псов, а Лиза, слушая его с повышенным вниманием, сосредоточенно кивала.

– Я согласна, – сказала она, когда Кеша замолчал и вновь занял прежнее место на стуле.

– Согласна на что?

– Исполнить для вас роль волчицы. Кто еще идет на дело?

Крестовый с опаской покосился на Капитолину, словно ожидал решения именно от нее. Кеше уже приходилось работать с Лизой, но каждый раз на это требовалось соизволение старшей из сестер. Все знали, что Капитолина оберегает Лизу, как свою дочь. Хотя разница в возрасте между сестрами Вайсман была всего восемь лет.

Капитолина чуть склонила голову в знак согласия, и Крестовый снова обернулся к Лизе.

– Я собирался взять с собой Евстафия и Капу. Но если ты хочешь заменить сестру, я ничего не имею против.

– Да, хочу! – решительно произнесла Лиза.

Евстафий зарделся еще больше. Работать с такой девуш-

кой, как Елизавета Вайсман, было для него пределом мечтаний. Это тебе не марухи какие-нибудь. И не кокотки. Положение Лизы и ее внешность...

– Добро, – подвел черту Крестовый, и тут же подхватил со спинки стула длиннополое пальто.

– Ты уже уходишь? – попыталась задержать его Капитолина.

– Да, у меня еще дела. Увидимся завтра.

– Знаю я твои дела, Кеша, – старшая Вайсман лукаво улыбнулась.

Крестовый на это ничего не ответил. Глубоко сунув руки в карманы, он лишь невыразительно пожал плечами и покинул Розовую гостиную.

Глава 4

Почетный гость

Красный фонарь, вывешенный у подъезда невзрачного флигелька на Сухаревке, красноречиво извещал москвичей о назначении данного заведения. В этих местах каждая собака знала публичный дом известной некогда на всю Москву марухи Федотьи Бобрыкиной.

В лучшие свои годы Федотья вполне могла соперничать с первыми красавицами Москвы. А ее муж Тимьян, отъявленный уркаган, ценил ее больше жизни и услаждал всевозможными подношениями. Федотья не нуждалась ни в чем. Бриллиантов и золота у нее было столько, сколько иной сухаревский урка и за всю жизнь не видывал. Так продолжалось до того момента, когда душегуба Тимьяна отправили на сибирскую каторгу, где он и нашел свой последний приют.

Федотья осталась одна. Денег, накопленных за жизнь с Тимьяном, хватило лишь на то, чтобы купить небольшой дом, в котором она и поселилась. А так как Бобрыкина в силу обстоятельств ничему, кроме как обходиться с мужчинами, за всю свою жизнь не научилась, то и род ее занятий был заранее предreshен. Во флигеле открылся публичный дом, о котором знали поначалу только сухаревские бродяги да бандиты.

Но с годами дом Бобрыкиной приобрел славу изысканно-

го борделя. Причем флигель по-прежнему привлекал сухаревскую рвань, а «господа почище» ходили прямо в дом к Федотье. Мало кто знал о том, что именно находится во втором этаже ее дома. Но те, кто знали, умели ценить гостеприимный хозяйкин очаг. Бог весть, где Бобрыкина собирала лучших проституток со всей Москвы. К ней ходили не только уркаганы, но и знатные господа. Последние, как правило, являлись только под покровом ночи, когда ни одна живая душа не смогла бы распознать в господине в неприметном темном пальто какого-нибудь высокопоставленного чиновника. Но был у Федотьи один особый клиент, к которому состарившаяся маруха особенно благоволила. Арсений, в отличие от сереньких толстосумов-чинуш, всегда являлся в дом Бобрыкиной шумно, на тройке, извещая о своем приезде всю округу.

Мартынов, по обыкновению своему, был облачен в щегольское полупальто, наброшенное поверх черной шелковой рубахи.

– Здравствуй, Арсеньюшка. – Хозяйка сама вышла встречать дорогого гостя.

Первый этаж дома пустовал. Везде чисто, прибрано. По всему было видно, что гостя здесь ждали.

– Давненько ты к нам не хаживал. Соскучиться успели по тебе мои девки... Да и я, знаешь ли, вспоминала.

Бобрыкина пыталась скрыть волнение за широкой, не потерявшей еще обворожительного обаяния улыбкой.

– Я тоже рад, Федотья.

Мартынов опустился на широкую оттоманку, поставленную по центру роскошно обставленной гостиной.

– Рад, а редко заходишь, – посетовала она.

– Не сердись, хозяйка, я тебе кое-что принес.

Мартынов жестом подозвал к себе Егора.

Юный рыжеволосый поделщик Мартынова тут же поставил перед ним на ковер персидского рисунка небольшой саквояж. Мартынов вынул из кармана крохотный ключик, и через мгновение саквояж был открыт. Взглядам присутствующих предстала чарующая картина. Саквояж был полон драгоценностей.

Федотья даже ахнула.

– Ну что ты, милая! Обижаешь. – Мартынов с улыбкой посмотрел на женщину.

Бобрыкина тут же растаяла. Под властным магнетическим взглядом Арсения не могла устоять ни одна женщина.

Мартынов вынул из саквояжа золотую фероньерку с прикрепленным к золотому обручу сапфиром.

– Красавец ты наш! – Глаза Федотьи наполнились слезами. – Прелесть-то какая!

Мартынов самолично подошел к хозяйке притона и аккуратно надел ей на лоб украшение.

– Арсений... – прошептала Бобрыкина, но Мартынов, казалось, уже не слышал ее.

Он придвинул саквояж к оттоманке и принялся выклады-

вать на диван украшения. Серьги с сердоликом, бриллиантовые подвески, медальоны с локонами, браслеты, брошки и камеи ложились в аккуратные ряды. Черный и белый жемчуг, агаты и ониксы, топазы и гранаты образовывали заметно возвышающиеся на поверхности дивана горки.

– Федотья! Ты Косого позвала? Просил я тебя давеча.

Мартынов захлопнул саквояж.

– Конечно, Арсеньюшка. Нешто мы твоего слова слушаемся?

Бобрыкина быстро вышла из гостиной, а через минуту явилась вновь в сопровождении хромого старичка. Один глаз у него был прищурен. Другой, напротив, широко раскрыт, будто он смотрел через монокль.

– А ну, Косой, примени свое искусство. Разбери-ка добро. Да оцени золотишко. – Арсений встал с дивана, уступив свое место ювелиру.

– Как же, сейчас сделаем, голубчик ты родненький. Все как есть и оценим, и рассмотрим все внимательно.

Старик неспешно уселся на оттоманку, приладил монокль и принялся за свое дело.

– Чем попотчевать тебе сегодня, Арсеньюшка? – Федотья заискивающе посмотрела на гостя.

– Глашку подай! И друзей моих уважь. Лучших марух для них приготовь. В долгу не останемся.

Мартынов направился к выходу.

– Арсеньюшка, куда же ты? Нешто не останешься? У ме-

ня во втором этаже ведь для тебя завсегда нумерок забронирован...

– Да мы по-простому. Зачем нам перины-то барские? Мне бы Глашку да бокал шампанского. Больше нам ничего не надобно.

Мартынов вышел из дома. Его подельники молча последовали за ним.

Действительно, в доме Бобрыкиной один из номеров всегда пустовал. Комната была обставлена роскошной, из красного дерева мебелью. Широкая, с мягкой периной кровать всегда застелена новым постельным бельем. Однако Мартынов неизменно предпочитал шумный и грязный притон с полуразвалившейся мебелью. Единственным, что отличало Мартынова от грязных посетителей этого заведения, было то, что в номер ему всегда приносили по распоряжению хозяйки самое дорогое шампанское. И всегда, в любое время дня и ночи, к нему являлась по первому его требованию Глафира, толстогубая деревенская девка с длинной золотоволосой косой.

– Да уж как же! В долгу-то не останетесь. Мы к вам со всей душой, а вы. Ах ты, горяшко. – Еле слышно причитая, Федотья скрылась за тяжелой дубовой дверью одного из номеров.

– Поля! Поля! – с порога закричала хозяйка притона.

На ее голос из глубины комнаты вышла тощая девка из бывших крепостных, служившая у Бобрыкиной распоряди-

тельницей.

– Поля, где Глафира? Вели быть срочно! – зашептала хозяйка притона Полине. – Арсений ее тотчас велит подать. Беги, достань ее из-под земли, коли хочешь хлебом с маслом впредь лакомиться. Не приведешь, сегодня же на улицу выкину! И чтобы через пять минут была здесь. Чистая и мытая. Во всей красе. Как Арсений любит.

– Да как же это, Федотья Николаевна? Где же я ее теперь возьму? Глашку купец Ломакин сторговал. – Полина захлопала длинными белесыми ресницами. – Уже час, как в нумера удалились...

– Знаю, знаю. Да только до того мне дела нет. Я тебя за что держу? Чтобы ты мне во всем правой рукой была. Поди и приведи Глашку. Другьям-то его я сама распоряджусь лучших девиц подать. Да вели из погреба бутылку «Моэт» достать.

Бобрыкина вышла из комнаты и вслед за гостями направилась к флигелю.

Глава 5

В ожидании Мартынова

– Все ли урядники да околоточные готовы?

Полковник опустил в карман брюк золотые часы на длинной цепочке. В этот час в ресторанах, клубах и театрах Москвы повсеместно начиналась светская жизнь.

– Готовы, ваше благородие. Все в штатском. А иные так наряжены, что и не признаешь вовсе. Кого в швейцара переодели, кого в лакеи пожаловали. И такие, должен сказать, лицедеи среди них выискались, что в Малом театре не сыщешь...

Григорий Степанович вскарабкался вслед за Пороховицким в специально нанятый по случаю облавы экипаж. Казенный экипаж обер-полицмейстера, запряженный рыжей парой с отлетом, был слишком хорошо известен в Москве.

– Вам, Григорий Степанович, с вашей физиономией теперь только в ресторанах обедать, – прошепелявил Пороховицкий сквозь густую «купеческую» бороду, наклеенную на гладко выбритое лицо полковника.

Никто не смог бы признать сейчас в этом «астраханском купце-рыботорговце» главного полицмейстера Первопрестольной.

– В «Эрмитаже», пожалуй, я сам сяду, – продолжил полковник. – А вас, батенька, сейчас же в театр отвезем... А то

ваша внешность к себе излишнее внимание привлечет в ресторане. А в театре как раз народу пруд пруди. Вас там и не приметит никто... Для театру имеется у вас кто-то из околоточных?

– Трое уже на площади ожидают. Прямо у входа. Приказа ждут.

– Но! Пошел! – крикнул Пороховицкий ямщику, и пролетка стремительно покатила по брусчатой мостовой в направлении Неглинки. – Рисунок с изображением преступника околоточным представили?

– Так точно, ваше благородие. Представили. – Полицейский полез в карман своего мундира и извлек из него сложенный вдвое лист с карандашным наброском. – Вот, полюбуйте. Довольно похоже вышло, должен сказать. Сам лично портретик этого негодяя набросал. Его рожу в нашем ведомстве теперь каждая собака знает. Будьте покойны, ваше благородие, не обознаются!

– Дайте-ка мне. – Полковник с интересом взглянул на изображение.

– Разыщем сей же день и в Бутырскую прямо и конвоируем. – Бондаренко с гордостью рассматривал собственное произведение из-за плеча обер-полицмейстера. – А там по этапу в Сибирь, на каторгу. Как пить дать, схватим мы его сегодня! И всю банду его за ним в Сибирь спровадим.

– Говорить, вы, батюшка, Григорий Степанович, горазды, а как до дела доходит!.. – Петр Лазаревич вернул приставу

бумагу. – За такие дела, которые в Москве творятся, сразу, скажу я вам, на ковер к директору департамента полиции, а там и до разжалования недалеко.

– Будьте покойны, ваше благородие. Пять человек нынче только в Малом дежурят! Куда ж ему уйти? Вооружены все до зубов! Один швейцаром стоит. Двое – в гардеробной. А еще двое – в зале. На случай налета эти двое и швейцар окружают преступников и как в капкан их поймают. Будьте покойны! Люди самые лучшие! Ни за что эта каналья на этот раз не уйдет!

Григорий Степанович потряс сжатыми кулаками. Экипаж тряхнуло на очередной кочке, и урядник неуклюже откинулся на спинку сиденья.

* * *

– Что это ты там, братец, высматриваешь? – Купец с густой, пронизанной проседью бородой обратился к швейцару, который, не замечая вошедшего, продолжал смотреть в окно.

Швейцар вздрогнул и, как ошпаренный, кинулся к своему посту.

– Что же ты там высматривал такое, что даже гостя не заметил? – повторил свой вопрос купец.

Швейцар замялся.

– Да, ваше сиятельство, женщину с ребеночком заприме-

тил на другой стороне улицы. Едва за супружницу не принял. А как присмотрелся, так и понял, что не она... Старый стал. Глаза-то не видят. – Швейцар, крепкого телосложения мужчина, виновато потупил взгляд.

– А если я, братец, сейчас «наган» выну, на тебя наставлю да и объявлю, что это, мол, налет? В залу общую пойду, людям угрожать стану...

Гость не успел договорить. В руке швейцара появился «наган», направленный прямо в живот купцу.

– Да что же это ты такое делаешь! – вскинулся бородач, резко отпрянув назад.

– Стоять на месте! Не двигаться!

Дуло «нагана» по-прежнему угрожающе смотрело на гостя.

– Я тебе покажу сейчас «стоять»!

Гость, оправившись от шока, перешел в ответное наступление. Шагнув к швейцару, он резко дернул себя за волосы. Швейцар обмер от удивления. В руке у бородатого болтался театральный парик. А на «блустителя порядка» смотрел сам обер-полицмейстер.

– Как же это я обознаться-то мог, ваше благородие? Простите мою душу грешную, – запричитал швейцар, медленно опуская «наган». Он, все еще не веря своим глазам, внимательно разглядывал лицо Пороховицкого, обрамленное густой с прожилками седины бородой. – Вы же в таком обличье и не похожи вовсе на себя. И до чего вышло-то правдиво!

Пороховицкий, убедившись, что никто больше свидетелем произошедшему не был, отошел к зеркалу и стал прилаживать парик на прежнее место. Околоточный, переодетый в швейцара в ресторане «Эрмитаж», оказался «полным болваном».

– Обознался. Не признал я вас, – продолжал извиняться здоровяк. – А что отошел от двери, так это я, так сказать, исполняя свой долг служебный. На той стороне бульвара, ваше благородие, трактир имеется. Так я, пока посетителей не было, еще и за трактиром смотрел. А вдруг налетчиков за примечу...

– Болван! – Полковник, пригладив бороду, отошел от зеркала. – Тебя зачем в самом лучшем ресторане поставили? «Эрмитаж» – это тебе не трактирчик какой-нибудь замызганный... Так и следи здесь за порядком. И не вздумай от двери отлучаться! Этого Мартынова интересует только крупный куш. А кто в твоём трактире деньгами-то сорить будет? Рвань да пьянь одна только...

– Отчего же это? – обиженно вступился околоточный. – Я туда хаживаю, бывает, по выходным...

– Вот я и говорю, пьянь да рвань всякая. – Полковник принялся стряхивать со своего пальто невидимые пылинки и вдруг, словно опомнившись, добавил: – Да что ты мне про себя толкуешь? Я тебе говорю, что преступника там изловить не придется. Эти бандиты только по лучшим ресторанам промышляют, где публика побогаче. Им улов крупный

надобен.

Пороховицкий резко развернулся и направился в гардеробную.

– А ты, братец, не зевай больше. Как только Мартынова этого завидишь, сразу мне знак сделай. Я в главной зале буду.

Пороховицкий уверенным шагом двинулся по ковровой дорожке в глубь ресторана.

Глава 6

Волчья разводка

Кеше сразу пришлась по душе замеченная им лаковая пролетка на стальных рессорах и с выкрашенными охрой спицами на колесах. Возница уверенно и ловко помыкал двумя запряженными в экипаж вороными лошадками с вплетенными в густые гривы алыми лентами.

– Немчура!

Крестовый сплюнул на мостовую, привычно выудил из кармана «наган» и шагнул поперек Неглинки. Евстафий тут же последовал за подельником. В правой руке второго налетчика покоился ладный револьвер с вытертой от частого употребления рифленой рукояткой. Точность выстрела у револьвера была не такой высокой, как у оружия Крестового, но зато Евстафий считал, что он с избытком восполняет данный недостаток куда более необходимой для его работы скорострельностью. В конце концов, они ведь не на песцовую охоту с этими волынами выходили.

– Стой! А ну стой! – грозно скомандовал Крестовый, становясь на пути вороной пары.

– Тпру! – Возница резко натянул поводья.

Лошади встали.

– В чем дело?

Крестовый навел ствол на сидящего на козлах человека.

Вороненое дуло угрожающе поблескивало в лунном свете. Глаза возницы испуганно округлились.

– Эй, что вы?..

– Слезай! – Кеша взял лошадей под уздцы.

– У меня ничего нет... Помилосердствуйте, баре...

– Слезай, я тебе говорю. Живо!

Евстафий быстро обогнул экипаж сбоку. Пассажиров в пролетке не было.

– Никого! – сообщил он Крестовому.

Возница покорно покинул насиженное место, и Евстафий сел на козлы вместо него. На налетчике уже красовался надежный по случаю серенький потертый сюртук. Крестовый снял с возницы фуражку и бросил ее приятелю. Евстафий поймал головной убор на лету, надел его.

– Господа, господа, – жалостливо законючил возница. – Что же вы делаете такое? Побойтесь бога, господа. Это пролетка барона Бенгерхофа, и у него...

– Все! Хватит! – оборвал возницу Крестовый и больно ткнул тому «наганом» под ребра. – Проваливай отсюда и передай своему барону-немчуре, что мы позаимствовали его экипаж исключительно для благих целей. А теперь пошел. И поспешай, любезный, поспешай!

Крестовый неспроста торопился спровадить мужика. Остановленные по центру Неглинки лошади, уже в нетерпении бьющие копытами, могли привлечь нежелательное внимание со стороны какого-нибудь полуночного пешехода.

Нужно было скорее трогаться. И Кеша не хотел, чтобы возница видел лицо молодой особы, которая должна была сесть с ним в экипаж.

В темноте вспыхнула спичка и осветила розовое лицо Евстафия. Он раскурил папиросу. Затем поглубже надвинул фуражку на лоб. Крестовый дождался, пока разжалованный возница, причитая себе под нос, скроется из виду, а потом негромко свистнул.

Лиза выплыла из темноты переулка. На ней был попелиновый редингот, кашемировая шаль с капюшоном и легкая осенняя муфта. Крестовый знал, что появление последнего элемента одежды здесь неспроста. Младшая из сестер Вайсман таким образом прятала от постороннего глаза оружие. Ридикюлем, как Капитолина, она пользовалась крайне редко, считая данный атрибут из ряда вон неудобным.

Кеша подал девушке руку, помогая сесть в пролетку. Затем запрыгнул в экипаж сам. Плюхнулся рядом.

– Все! Пошел!

Евстафий тронул пролетку. Лошади быстро перешли на рысь.

– Но, залетные!

Короткий хлыст по очереди резко опустился на круп каждой из вороных. Лошади рванули в галоп. Колеса пролетки гулко застучали по булыжной мостовой...

За квартал до облюбованной им ранее ювелирной лавки на Сретенке Крестовый спрыгнул на ходу. Экипаж, управ-

ляемый Евстафием, покатил дальше и вскоре замер напротив невысокого одноэтажного домика с погашенными окнами. Лошади недовольно зафырчали.

– Здесь. – Евстафий обернулся к Лизе, но видеть в темноте ее личика он не мог.

Девушка молча кивнула, и ножка, обутая в изящный черный полусапожок, ступила на мостовую. В одном из окон дома зажегся свет керосиновой лампы. Лиза решительно направилась к парадному подъезду. Согласно плану Крестового, Евстафий остался сидеть на козлах.

Лиза постучала, а затем обе ее руки вновь скрылись под муфтой.

– Ну кто там в такой час? Ни стыда, ни совести. Закрыто у нас.

– Я прошу прощения. – Лиза говорила с невидимым через дверь оппонентом с легким немецким акцентом. Евстафий усмехнулся. По его мнению, это придавало девушке еще большее очарование. – Фы не могли бы мне открыть на минуточку, коспотин Фойнофич?

– Войнович? Я? – Сторож за дверью рассмеялся, но замок все же отпер. В образовавшемся проеме показалась его кудлатая с проседью голова. – Я – не Войнович, барышня. Вы, видно, ошиблись. Его степенства Якова Самуиловича нету и быть в такой поздний час попросту не может.

– Ах, как жаль, как жаль. – Лиза сокрушенно уронила голову на грудь. – Фитите ли, любезный, я в Москве только

проестом. Всеко на отин тень. Мне коворили, что у Фойнофича мошно нетороко приопрести хорошие украшения.

Сторож вышел из лавки. В одной руке он держал тускло мерцающую керосиновую лампу с засаленным гладким корпусом, в другой – короткое двуствольное ружье. Однако взирал он на позднюю гостью с откровенным сочувствием.

– Понимаю, барышня. И вас нисколько не обманули. – Он шагнул вперед и смерил девушку заинтересованным взглядом с головы до ног. – У нас и впрямь хороший товар. И недорогой. Приходите с утра. Его степенство будет в половине девятого. Я ему всенепременно передам, что вы...

– Нет, нет. – Лиза покачала головой. Краем глаза она видела, как от торца здания отделилась темная фигура и двинулась по направлению к ним. – Я не моку сафтра. Я уше уешаю. Мошет, фы мокли пы мне помочь пес коспотина Фойнофича? У фас очень-очень топрое лицо.

Сторож расплылся в счастливой улыбке. Барышня была очень даже ничего. Не каждый день по долгу своей службы ему приходилось встречать таких красоток. Он сделал еще пару мелких шажков в направлении дамы.

– Я бы с превеликим удовольствием, барышня, но...

Крестовый стремительно надвинулся на сторожа сзади и вскинул вверх руку. Рукоятка его «нагана» уже готова была опуститься жертве на темечко, но в эту секунду сторож, то ли почувствовав что-то неладное, то ли заметив Кешину тень, резко отшатнулся. Рука Крестового рубанула по воз-

духу. Лиза быстро сместилась в сторону. Евстафий приподнялся на козлах, вскинул револьвер и выстрелил. Пуля просвистела в опасной близости от головы сторожа.

– Ах вы черти окаянные!

Он поднял ружье, намереваясь произвести ответный выстрел по человеку на козлах. Крестовый перехватил ствол и дернул его книзу. Грохнул оглушительный выстрел, и тут же в унисон ему прозвучал еще один. Сторож, бессмысленно разрядив двустволку в булыжники мостовой, обмяк на руках Крестового и выронил свое грозное оружие. Его поношенное пальтишко на груди обагрилось кровью. Кеша отпустил жертву, и та рухнула к его ногам.

– Лиза! Ну зачем ты?

Девушка поспешно спрятала в муфту еще дымящийся ствол «нагана».

– А что ты предлагал делать? – невинно поинтересовалась она.

– Я хотел только вывести его из игры, – ответил Крестовый. – И не более того.

– Теперь он выведен.

– Да, но не такой же ценой!

Лиза пожала плечами:

– Странно, ты упрекаешь меня, Кеша, в то время, как если ты сам был бы порасторопнее...

Евстафий уже был рядом с ними. На этот раз фуражка налетчика оказалась залихватски сдвинута на затылок.

— Ух ты! — уважительно присвистнул он. — А вам, оказывается, палец в рот не клади, сударыня. Лихо! Ничего не скажешь, лихо!

— Спасибо. — Лиза легонько похлопала его по плечу. — Ну, что дальше, Крестовый? Мы так и будем торчать здесь?

— Она права, Кеш, — поддержал девушку Евстафий, коротко оглядываясь через плечо. — Выстрелы наверняка слышали. Легавые могут появиться в секунду.

Крестовый нахмурился, но ничего не ответил. Он не одобрял неоправданного насилия. Особенно если его можно было избежать. Но и Лиза права. Лопухнулся в первую очередь он сам. Младшая Вайсман принимала лишь скоропалительное решение в критической ситуации.

Кеша смирился с происшедшим. Спрятав оружие в боковой карман пальто, он извлек из-под полы короткую фомку и решительно двинулся в ювелирную лавку Войновича. Лиза последовала за ним.

Евстафий вынужден был вернуться к пролетке, откуда забрал два заранее приготовленных саквояжа. Затем он склонился над расprostертым телом сторожа, взял у него из рук керосиновую лампу и загасил ее. Подъездная площадка перед лавкой вновь погрузилась во мрак. Свет уличных фонарей по обе стороны квартала недобивал до этой точки. Евстафий на всякий случай еще раз огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Только после этого он нырнул внутрь помещения.

Крестовый уже колдовал рядом с металлическим допотопным сейфом, проталкивая в зазор острый край фомки. Лиза стояла рядом на коленях, подсвечивая подельнику зажженной спичкой.

– Посмотри на витринах и в комнате, – сказал Крестовый, не оборачиваясь.

Той ювелирной техники, присущей Поликарпу, Кеше явно не доставало. Впрочем, он и не пытался подражать медвежатнику. Действовал грубо, быстро и нахраписто. Лиза гасила одну спичку и тут же зажигала новую. Спустя две минуты Крестовый справился со своей задачей. Металлический ящик натужно крякнул и распахнул налетчикам свой зев.

– Посвети еще, – попросил Крестовый.

Лиза чиркнула спичкой.

– Ого! – вырвался у девушки ликующий возглас. – Да тут целое состояние! По всему видать, дело у господина Войновича процветает.

– Процветало, – машинально поправил ее Крестовый, сгребая содержимое сейфа в один из саквояжей. – Хотя ты права. Состояньице тут не слабое. Я, признаться, рассчитывал на меньшее.

– Это приятный сюрприз.

– Согласен.

Вернулся Евстафий со вторым саквояжем. Брякнул его на пол перед сейфом.

– На витринах пусто, Крестовый, – доложил он. – А сек-

рETER в комнате я немного подчистил. Не бог весть что, но... Ну надо же! – только сейчас обратил внимание на действия поделщика Евстафий. – У вас тут богатый улов, оказывается. Поздравляю, Кеша!

– Спасибо. Дай-ка мне второй саквояж.

Евстафий придвинул саквояж ногой, а из рук Крестового взял первый, уже доверху наполненный золотыми изделиями и драгоценными камнями. Проверил его на вес. Удовлетворенно качнул головой.

– Неси в пролетку, – последовало очередное распоряжение со стороны Крестового. – И оставайся на стреме. Мы сейчас тоже выходим.

Евстафий не стал спорить. Зажав саквояж под мышкой, он, мягко переступая с ноги на ногу, двинулся в направлении выхода. Лиза в очередной раз чиркнула спичкой. Крестовый сгреб содержимое сейфа в саквояж и разогнулся.

– Все, уходим.

Но Лиза не дала ему защелкнуть замок.

– Подожди. – Ее тонкие пальчики опустились на горку украшений. – Это я возьму себе.

Выбор девушки пал на изящное колечко с большим сапфиром. Она подхватила его и тут же надела на безымянный палец левой руки.

– Невероятно красиво! Правда?

Крестовый нахмурился, но Лиза не заметила этого выражения на лице молодого человека.

– На твоём месте я бы не стал этого делать, – строго предупредил Крестовый.

– Почему же?

– Первое, что будет искать полиция, так это украденные ценности. Тебе ли этого не знать.

– Я постараюсь проявить осторожность. – Лиза беспечно пожалала плечами. – Так мы идем?

Крестовый кивнул и закрыл саквояж. Они вышли на улицу. Евстафий поджидал их у входа в лавку.

– Рядом патруль, – заговорщически прошептал он.

– С чего ты взял?

– Я слышал шаги. Совсем близко.

– Это может быть кто угодно, – не согласилась Лиза.

– В том районе, где за версту нет ни единого трактира? Сомневаюсь.

– В любом случае лучше не рисковать. – Крестовый запахнул полы черного пальто. – Поехали.

Евстафий вновь разместился на козлах, а Кеша с Лизой заняли место в пролетке.

– Где Капа? – спросил Крестовый, когда экипаж резво тронулся с места.

– Она сказала, что будет ждать нас в салоне у Гайна, – не оборачиваясь, ответил Евстафий.

Воронье уже несло во весь опор, и мелькавшие по ходу движения пролетки тусклые придорожные фонари слились в единый светящийся фон. Редко попадались навстречу

припозднившиеся прохожие и праздные гуляки. Время было еще далеко не позднее, но Евстафий намеренно избегал людных улиц. Все тихие проулки столицы были ему отлично известны.

– У Гайна? – Крестовый раскурил папиросу. – Почему именно там?

– Не знаю. Так она сказала.

– Хорошо, мы с Лизой едем к Гайну. А ты избавься от экипажа. Брось его где-нибудь. Да так, чтобы отыскался не сразу.

– Сделаю в лучшем виде. – Евстафий щелкнул кнутом. – Можешь не беспокоиться.

– Я не поеду к Гайну, – вдруг подала голос до сих пор молчавшая Лиза. – Хочу немного проветриться. Прокатишь меня по городу?

Она тронула Евстафия за плечо, и молодой налетчик невольно вздрогнул от этого прикосновения. Затем оглянулся на Крестового.

– Я против, – откликнулся тот.

– А разве я спрашивала твоего согласия? – Девушка гордо и вызывающе вскинула белокурую головку.

Крестовый пристально посмотрел ей в глаза, но ничего не ответил. В этот момент Лиза невольно напомнила ему старого Михайло Вайсмана. Та же величественная посадка головы, тот же решительный взгляд и те же не терпящие возражения интонации в голосе. Крестовый все чаще замечал,

что Лиза похожа на своего отца гораздо больше Капитолины. И, может, зря они так старательно опекают ее? Но так повелел им Михайло. Приглядывать за Лизой необходимо было и Капе, и в первую очередь ему, Крестовому, как приемному сыну почившего пахана. Кеша даже припомнить не мог, сколько раз он дрался за Лизу до первой крови. И в детстве, и значительно позже. Но девочка выросла, и сейчас рядом с Крестовым сидела самая настоящая дама. Им с Капитолиной давно пора бы уже понять это.

– Хорошо, – молвил Крестовый после небольшой паузы. – Будь по-твоему, Лиза. А ты, Евстафий, отвечаешь за нее головой. Понял?

– Чего уж тут не понять? Ясно как божий день.

Крестовый щелчком отбросил папиросу, и та, описав в воздухе замысловатую дугу, с шипением приземлилась в придорожную лужу.

– Притормози у Новодевичьей. Я дойду отсюда пешком.

Евстафий покорно исполнил его пожелание. Едва лошади стали, Крестовый прыгнул с пролетки и забрал оба саквояжа.

– Это вам ни к чему, – сказал он. – Счастливо покататься.

– Передавай привет сестренке! – Лиза помахала ему ручкой.

Пролетка поехала дальше, а Кеша еще какое-то время стоял, не двигаясь с места и напряженно вглядываясь ей вслед. Затем развернулся и споро двинулся по Новодевичьей

в направлении глухого темного переулка. «Волчья разводка» прошла относительно гладко. И ушли они с хорошим наваром. А сторож?.. Что ж, это издержки профессии, как любит говорить Капитолина. Человек против системы. Крестовый был вынужден мириться с подобным положением вещей. Такой уж путь он избрал для себя, оказавшись по малолетству на поруках у Михайло Вайсмана.

Глава 7

Облава в «Славянском базаре»

В ажитации ресторана «Славянский базар», небольшом помещении справа от швейцарской, только и было разговоров, что о вчерашнем налете на «Вельду». Лакеи, ожидавшие своих господ в специально отведенном для этого помещении, обменивались «мнениями». Чаше слуги стояли на точке зрения своего господина.

– Да-с. Дела! – Высоколобый лакей в шикарной темно-синей ливрее с большими светлыми пуговицами и цилиндре с золотыми позументами был в центре всеобщего внимания. Он важно восседал на узкой деревянной лавке, приставленной спинкой к каменке, держа в руках дорогой цилиндр. Голова его была коротко острижена, и от этого широкий покатый лоб казался еще шире. – Вот ты, Захар, глупая твоя голова, барина только до дверей спровадил. А кабы в ажитации вчера сидел, так точно бы налетчиков увидел. Говорят, у одного из ушей прямо деньги торчат.

– Поручение я важное исполнял. – Захар, худощавый мужичонка в длинной ливрее с серебристым шитьем, бросил на собеседника полный пренебрежения взгляд. – Барин мне бумагу важную вручил с велением в церковное управление доставить. Мне редко, когда в ажитациях приходится баклуши бить. У господ дела государственного значения. Не справля-

ются они...

– Тебе бы, Захар, не в лакеях ходить, а прямо за барином по департаментам шастать. – Тот, что в цилиндре с золотым шитьем, закатился смехом, вызвав взрыв ответного хохота со стороны слушателей. – Тебе, Захар, в департамент градоначальника надо прямо по части особо важных поручений устроиться.

Очередная волна смеха заставила рассказчика прервать ехидные выпады в адрес Захара.

– А что деньги у этого бандита отовсюду торчат, так это истинную правду говорят, – неожиданно встрял в разговор молодой розовощекий слуга с гладко выбритым лицом. – Я с господскими детьми вчера как раз в том ресторане бывал. Откушать баре изволили. Так я весь этот налет и видел. Ничего там такого особенно и не было. И чего только переполох такой устроили? Если бы не барина детишки, я бы сам изловил негодяев.

Присутствующие затихли. Их взгляды обратились в сторону говорившего.

– А ты что же, выходит, и не боишься ничего? – Высоколобый снисходительно посмотрел на молодого.

– А чего бояться-то? Вот страсть-то какая, с «наганами» они... У тятки, пока дитятей был, берданка в сенях стояла. Железка, она и есть железка. Кабы я урядником был, так давно бы уже негодяя того на виселице вздернул, чтобы другим неповадно было. А-то детей-то напужали.

– Железка! А когда тебе этой железкой в нос тычут? – Один из лакеев в потертой синей ливрее, занимавший стул около самого входа в ажитацию, вдруг вскочил со своего места и подошел к розовощекому. – Посмотрел бы я на тебя, кабы дуло тебе в рыло уткнули. Как бы ты тогда заговорил? А?

– А ты откудава такой резвый взялся-то? – заступился за молодого высоколобый. – Что-то раньше тебя и не видать было. Чей будешь?

– Барин мой в Рязанской губернии министром юстиции служит. Сызмальства я у них в дому жил, да в лакеях оказался. Барин в Москву, вот, пожаловали погостить.

Лакей в синей ливрее вернулся на свой стул возле двери. С этого места открывался замечательный вид на вестибюль и отлично просматривались как вход в ресторан, так и сам обеденный зал. Время от времени стеклянная дверь в зал отворялась, и тогда можно было видеть, что происходило в обеденной.

Полицейского Григория Степановича Бондаренко такой наблюдательный пункт вполне устраивал. Единственным неудобством было то, что лакейская форма с чужого плеча излишне сковывала движения.

– Провинциальные, значит! – Высоколобый уже развернулся к молодому, потеряв к заезжему интерес. – Эх, Мирон, жаль, не поймал ты грабителей. А все же не верю я тебе, Мирон. Испугался ты, верно, потому и ушел...

– Да как же, Иван? Детишек я барских до дому проваживал, не до того было. Нешто я бы да испугался! – Лакей, которого высоколобый назвал Мироном, лениво потянулся, расправив широкую молодецкую грудь. – Да я бы этих налетчиков...

– Врешь! – Бондаренко вновь вскочил со своего стула. – Видали мы таких! Что же ты тогда не кинулся на бандитов?

Дерзкое бахвальство молодчика болезненно кольнуло уязвленное самолюбие полицейского. Григорий Степанович покраснелся. Забыв о том, что на нем не мундир, а лакейская форма, Бондаренко грозно подскочил к Мирону.

Парень тоже оказался не промах. Он мгновенно поднялся во весь свой гигантский рост, да так, что голова пристава оказалась где-то на уровне плеч молодого.

Остальные лакеи тоже повставали со своих лавок, окружив спорщиков.

– А может, ты сам там был? – молодой начал наступать на Бондаренко. – Отчего у тебя нос, будто слива лиловая?

По комнате прокатилась очередная волна смеха.

– А вот, коли я тебе этот «наган» сейчас же и продемонстрирую! Посмотрю я, как у тебя морда полиловеет! Так-то!

Полицейский сунул руку под полу мундира и уже в следующую секунду извлек оттуда револьвер. Поднес его к носу розовощекого. Мирон боязливо перекрестился.

– Да ты что? Леший ты окаянный! Откудова у тебя эдакая штукавина?..

Лакеи, окружавшие спорщиков, резко отшатнулись. За общим гулом никто из присутствующих не заметил, как в вестибюль ресторана вошли трое мужчин. Двое были облачены в дорогие драповые пальто, а третий, слегка долговязый и несколько нескладный, в щегольский клетчатый сюртук. Не задерживаясь в швейцарской, посетители последовали в общий зал.

– Э-э-э! Ты эту штуковину-то убери. Убери, тебе говорят, – испуганно пролепетал розовощекий, пятясь назад.

Его взгляд был прикован к оружию, которое Бондаренко по-прежнему держал перед носом молодого.

– А может, ты и есть тот самый налетчик, почему мы знаем? – Голос высоколобого вновь привлек к себе внимание. – А ну, вот сейчас мы в полицию-то тебя сдадим.

Лакеи, окружавшие полицейского, в нерешительности замялись. «Наган», угрожающе направленный в их сторону, не испугал одного только высоколобого. На мгновение в лакейской наступила гробовая тишина.

И именно в эту секунду из общей залы донесся звучный мужской голос:

– Всем сохранять спокойствие. Меня зовут Арсений Мартынов. Это налет!

– Черти окаянные! – Бондаренко метнулся к двери, ведущей в ресторан. – Прозевал... Да как же это!

Ударом ноги полицейский распахнул дверь и ввалился в зал ресторана. Первое, что бросилось ему в глаза, была фи-

гура рыжеволосого, того самого, который послужил причиной его позора в «Континентале». В обеих руках налетчика было по «нагану». Сомнения в том, что рыжий при необходимости воспользуется своим оружием, не возникало.

– Вы окружены! Это полиция! – выпалил Бондаренко, нацелив дуло револьвера на рыжего. – Сопротивление бесполезно, господа...

Одновременно с появлением в общей зале полицейского из-за угловых столиков поднялись околоточные, вооруженные револьверами.

– Мартын, по-моему, мы где-то уже встречались с этим человеком. Тебе не кажется? – спокойно произнес рыжеволосый. – Помнится мне, я уже дал понять господину Бондаренко, что его общество крайне нежелательно.

Лицо Григория Степановича перекосила ярость. Раскосые глаза рыжеволосого смотрели дерзко, рот застыл в едва заметной полуулыбке. Именно эта наглая улыбка всякий раз вспоминалась Григорию Степановичу, когда он на ковре у начальства оправдывался за свой позорный промах.

– Сдавайте оружие, господа! – взревел полицейский и сделал несколько торопливых шагов по направлению к налетчикам. – Сопротивление совершенно бесполезно, уверяю вас...

Рыжеволосый навел на пристава «наган», но Мартынов движением руки остановил его. Зал ресторана погрузился в напряженную тишину. Музыканты, застывшие около своих инструментов на эстраде, опасно переглядывались. Посе-

тители, которые в этот вечер занимали практически все столики в общей зале, затаив дыхание, наблюдали за развитием сцены.

– Вы находите? – невозмутимо произнес Мартынов. Опустив револьвер, он прошелся между столиками. Происходящее, казалось, доставляло ему немало удовольствия. Налетчик сел на край одного из ближайших столиков, за которым располагался чрезвычайно толстый человек в синем сюртуке из дорогого сукна.

Одновременно рыжеволосый переместился к столу, слева от центрального прохода, и, остановившись за спиной коренастого с непропорционально большой головой мужчины, потеснил в сторону его лакея. Долговязый в клетчатом сюртуке взял на мушку седовласого старика, который занимал столик у окна.

– Я вижу, здесь собралась почтенная публика. Мне думается, вам не захочется доставлять господам какие-либо неприятности. – Мартынов наклонился к толстяку в синем сюртуке: – Господин председатель суда, если я не ошибаюсь? Толстяк испуганно закивал.

– Вы не будете возражать? – Арсений потянулся за увесистой золотой цепочкой, которая свешивалась из кармана сюртука председателя суда.

– Какая дерзость! Схватить его! – прорычал Бондаренко. Лицо его побагровело. Околоточные метнулись вперед.

– Стоять! – Мартынов спокойно поднял револьвер. Дуло уперлось в висок толстяка. – Вы же не хотите, чтобы господин председатель суда ответил за ваше нетерпение? Мне ничего не будет стоить пустить ему пулю в лоб. При этом меня нисколько не будут мучить угрызения совести. Поверьте.

Мартынов протянул человеку в синем сюртуке раскрытую ладонь. Тот поспешил вложить в нее часы в золотой оправе.

Околоточные остановились, переводя взгляд с «нагана» налетчика на лицо пристава.

– Болваны! – прорычал Бондаренко. – Чего встали? Ну! Взять их!

В ту самую секунду, когда околоточные бросились к налетчику, грохнул выстрел. Пуля, просвистев над ухом председателя суда, впилась в стену за его спиной.

– Что вы делаете, негодяи? Он же застрелит меня! Толстяк с полными ужаса глазами стал медленно сползать со стула. Прикрыв затылок руками, он распластался на паркетном полу возле стола, за которым еще пять минут назад с наслаждением вкушал изысканные блюда.

– Господин председатель суда совершенно правильно меня понял, – Мартынов вновь взвел «наган» и нацелил дуло точно в затылок своей жертве. – Будьте любезны подняться, господин председатель. Вы сейчас можете искупить самые страшные свои грехи, сохранив мне жизнь. Я уверен: в вас околоточные стрелять не станут.

Толстяк стал медленно и неохотно подниматься. Стражи

порядка, не решаясь предпринять что-либо, ожидали указаний Бондаренко.

– Не стрелять, – сквозь зубы процедил полицейский. Ноздри его яростно раздувались. Околоточные опустили «наганы».

– Эти черти, пожалуй, и выстрелят, – Григорий Степанович отступил на несколько шагов назад. – Святого-то ничего для них не имеется. В живого-то человека так целиться!

– Благодарю вас за понимание. – Мартынов отвесил Бондаренко легкий шутливый поклон. – Предлагаю вам сделку, господин полицейский. Я сохраню жизнь этому человеку, а вы дадите мне и моим друзьям спокойно покинуть стены этого во всех отношениях замечательного заведения, где подобные господину председателю суда люди тратят нажитые в честном труде капиталы...

По залу прокатился ропот голосов.

– У вас есть какие-то возражения?

Мартынов скользнул взглядом по лицам посетителей. В основном это были богато разодетые мужчины, фраки и сюртуки которых заказывались у лучших портных Москвы. Камушки на заколках, поддерживающих галстуки, не вызывали сомнения в подлинности.

– Прошу вас, господин пристав, не предпринимать попыток нас преследовать, – продолжил Мартынов. – И мы сей же час спокойно покинем помещение.

Зал вновь погрузился в тишину. Четверо околоточных

неотрывно смотрели на полицейского, готовые в любой момент броситься на налетчиков. Мартынов, увлекая за собой заложника, стал пятиться назад. Его примеру последовали и двое других налетчиков. От двери их отделяло лишь несколько шагов. Арсений не видел, как из-за ближайшего к выходу столика поднялся крепкий коренастый мужчина с густой бородой в элегантном приталенном фраке. В руке у него был зажат револьвер.

– Мартын, берегись!

Долговязый в клетчатом сюртуке взвел курок, однако воспользоваться своим оружием он не успел. Грохнул выстрел, и от дула револьвера бородатого к потолку потянулось облачко дыма. Долговязый нелепо попятился назад. Револьвер выпал из его руки. На клетчатом сюртуке с левой стороны груди мгновенно проступило темное пятно. Бородатый, по всему видно, был отменным стрелком.

Клетчатый замертво повалился на пол. Глаза его закатились. Из раны на груди, пульсируя и обагряя паркет, изливался поток крови.

Ответный выстрел не заставил себя ждать. Рыжеволосый навел «наган» на бородача и выстрелил. Пуля впилась точно в лоб человека во фраке, отбросив его назад. Белоснежная скатерть, покрывавшая стол с обилием обеденной снеди, покрылась алыми брызгами.

Небольшая пауза, повисшая в зале после перестрелки, позволила Бондаренко рассмотреть лицо Мартынова. Внеш-

не в этом человеке не было ничего особенного. Однако его взгляд! В нем определенно было что-то магнетическое. Пристав поймал себя на том, что в течение нескольких секунд он просто не мог пошевелиться. Теперь, пожалуй, понятно, почему этому человеку удавалось столько раз выйти сухим из воды...

Началась паника. Посетители один за другим стали бросаться под столы. Зала наполнилась звоном бьющегося стекла и падающих стульев.

Из оцепенения Бондаренко вывел очередной выстрел. Мартынов спустил курок. Пуля, выпущенная из его «нагана», уложила одного из околоточных.

– Вы сами напросились, господа.

Мартынов, прикрываясь толстяком, стал продвигаться к выходу.

– Не стрелять! – прокричал Бондаренко. – Перекрыть выходы!

Двое околоточных, ближе всех находившихся к двери, заблокировали налетчикам путь к отступлению.

– Мартын, сюда!

Рыжеволосый метнулся к окну. Впрыгнув на подоконник, он локтем разбил стекло.

– Уходи, Егор! У меня надежное прикрытие. Я за тобой. – Мартынов показал глазами на тучную фигуру председателя суда, закрывавшую его от полицейских.

Рыжеволосый соскочил на мостовую и бросился бежать.

– Не дать уйти! – взревел полицейский.

Один из околоточных кинулся к окну и навел на убегающего револьвер.

– Уйдет ведь, Григорий Степанович. Разрешите стрелять... И впрямь уйдет ведь!

– А, была не была! Пали! – крикнул Бондаренко.

В ту же секунду Мартынов перевел «наган» на стрелка и спустил курок. Околоточный, целившийся в рыжеволосого, с простреленным затылком рухнул на пол. Мартынов выпустил толстяка и метнулся к окну.

– Не уйдешь! – прошипел Бондаренко.

Арсений успел вскочить на подоконник. Ему оставалось сделать последний шаг, чтобы оказаться на улице, но в этот момент полицейский выстрелил. Правое плечо чуть выше лопатки пронзила острая боль. Мартынов буквально вывалился на мостовую. Усилием воли налетчик заставил себя подняться на ноги. В проеме окна показалась фигура Бондаренко. Перехватив револьвер левой рукой, Мартынов выпустил в полицейского ответную пулю. Рука Бондаренко дрогнула. Григорий Степанович схватился за локоть. Револьвер выпал у него из рук.

Мартынов что было сил бросился на противоположную сторону улицы. Он видел, как из окна «Славянского базара» уже высочили двое околоточных и бросились ему вдогонку.

Арсений осмотрелся. Справа по мостовой на всех парах на него летела черная лаковая пролетка, запряженная двумя

воронами. Мартынов преградил экипажу путь. Кучер, исторгая проклятия, со всех сил натянул поводья. Лошади перешли на шаг. Мартынов подбежал к экипажу и вскочил на подножку.

– Пошел, пошел! – пригрозив кучеру «наганом», крикнул Мартынов.

Последнее, что запечатлелось в памяти налетчика, – лицо молодой девушки, склонившейся над ним. Правильные черты лица, испуганный, но твердый взгляд и золотистые локоны, разметавшиеся по плечам.

Лошади пустились в галоп.

Мартынов откинул голову и потерял сознание.

Глава 8

Ростов-папа

– Давай-давай, мечи, хозяйка, на стол огурцы соленые. Да сивухи не забудь.

Пафнутий Бесшабашный положил на стол «наган» и придвинул к себе тарелку с дымящимся ароматным борщом. Рядом расположились верные «друзья» заправили боготяновской кодлы, известной всему Ростову банды лихоимцев. Вася Обух, как всегда, сел по правую руку от Пафнутия, а Митька Черный – по левую. Остальные четверо «приближенных» ростовского вора, грохоча стульями, расселись, кто где смог. Напротив Пафнутия сел Иван, глуховатый светло-волосый бугай необыкновенной наружности. Иван был под два метра ростом, силы недюжинной и славился своим умением читать по губам, с лихвой восполнявшим его недуг.

Пафнутий принялся жадно хлебать наваристый борщ. Его примеру последовали и остальные присутствующие. Несколько минут в комнате раздавалось лишь чирканье о дно тарелок металлических ложек.

– Да уж не забуду. – Хозяйка ночлежки и трактира под названием «Дом Епифановой» Маланья Епифанова деловито прошлась перед своими гостями. – Да кто ж вас знает, когда вы придете? В погреб не успели слазить. Сей же час организуем вам обедец. Будет тебе, Пафнутишка, и водочка, и

огурчики соленые, и капуста... Вы ж не докладываете, когда вас ждать-то. Завалитесь, как снег на голову весной.

Причитая, Маланья спустилась по деревянной лестнице на первый этаж, где и располагался, собственно, трактир.

– Егорка! Гаденыш поганый! Тащи водки и огурцов. Гости пить хотят. Да в капусту сахарку не забудь подсыпать. Подай все наверх. И быстро! Ждать не буду. Выпороть кварталным велью. Усек у меня?

Через минуту в «будуаре» Маланьиного дома появился босоногий мальчишка лет десяти. Выставив на стол бутылку медовухи и деревянную кадку с соленьями, Егорка ушмыгнул обратно в кухню.

– Хочу, братцы, с вами дело обсудить.

Пафнутий промокнул густую бороду холщовым полотенцем и только после этого закусил крепкую медовуху соленым огурчиком.

– Понятно, что не на посиделки позвал. – Митька, приткий молодой парнишка с черными, как смоль, лоснящимися волосами, зачерпнул очередную ложку борща и отправил ее в рот.

– Говорливый больно. – Пафнутий бросил взгляд на Митьку и снова принялся хлебать борщ.

– А чего нам молчать-то? Чай не немой. Язык-то почто дан?

Митька отломил кусок калача и принялся переминать сильными челюстями здоровенный ломоть. Бесшабашный

выпустил из левой руки капустный пирог и отвесил соседу звонкий подзатыльник.

Митька попытался увернуться от тяжелой руки Бесшабашного, но из этой затеи ничего не вышло. Ладонь пахана достигла своей цели. Черный задел локтем тарелку, и ложка, подлетев в воздух, со звоном брякнулась на пол.

– Пафнутий, за что?

Митька все еще держал на изготовке руку, закрываясь от другой оплеухи. Однако Бесшабашный уже был всецело увлечен прерванной трапезой.

– А за то, – пробасил он, – чтобы думал в следующий раз. Зачем барышника приезжего на смерть зашиб? А? Тобой теперь пристав боготяновский интересуется.

– Да не убивал я его!.. – запротестовал Митька.

– Врет и не поперхнется! Мне-то зубы не заговаривай! – Бесшабашный отодвинул от себя опустошенную тарелку. Тут же около него появился половой с подносом в руках. Выставил перед гостем огромное блюдо с сазанами, выдержанными в белом вине, начиненными рисовой кашей, перемешанной с икрой.

– Ты мне для дела нужен был, Митя, – продолжил Бесшабашный. – Замыслил я тут одну заварушку. Так ведь нет... Пащенок!

– Ну будет тебе, Пафнутий! Виноват я, признаю. Только почто он мне шапку собачью торговал за...

Бесшабашный уже не слушал своего младшего подручно-

го. Он неспешно кромсал рыбью тушку, запеченную в подсолнечном масле.

– Что за дело-то сказать хотел? – неожиданно заговорил молчаливый обычно Василий Обух, опрокидывая в рот остатки медовухи.

– А то! – Бесшабашный переложил себе в тарелку добрый кусок рыбины. – Ты Михайло Вайсмана помнишь? Должен помнить. В Сибири на каторге одну лямку тянули.

– Ну помню, – бросил Обух, пережевывая капустный пирог.

– Преставился он в том году, говорят. – Бесшабашный коротко перекрестился. – От жабы, говорят, сдох...

– Кто такой? – встрял в разговор Митька Черный.

– Всю Москву держал в своих лапах, пока жив был. Крепкий мужик. Был. Из хитрованских. Каторга сгубила... Хотя он уже старик был. И так помирать пора подходила. Да хоть не на каторге бы...

Бесшабашный прищелкнул пальцами. Половой живо шагнул к гостю.

– Да-с.

– Сольки бы мне. – Пафнутий выставил перед официантом ладонь, на которую тут же была поставлена солонка. – Так вот. В столице теперь без Мишани разброд и шатание. Хозяина у них нет.

– Свято место пусто не бывает, Пафнутий. Неужто никто так и не нашелся из ихних, чтобы порядок навести? – подал

голос один из присутствующих, сухонький с тонкими гибкими пальцами карманника мужичок.

– То-то и оно!..

Бесшабашный показал половому на бутылку с медовухой, что безошибочно было принято последним как приказ к действию. Лакей ловко разлил напиток по стаканам и вновь заступил на свой пост, заняв место за спиной Бесшабашного.

– А ты, братец, поди погуляй пока, – обратился к официанту Пафнутий. – Поди, поди. И ты, Маланья, иди вниз. Посмотри, чтобы нас не беспокоил никто.

Хозяйка дома, все время трапезы проведенная за дверью соседней с гостиной каморки, вышла из своего укрытия и безропотно направилась к лестнице, ведущей на первый этаж.

– Компоту вам приказать принести? – Елифанова на мгновение задержалась у деревянных перил и оглянулась на Пафнутия.

Бесшабашный выразительно посмотрел в сторону хозяйки. Этого было достаточно, чтобы Маланья молниеносно исчезла в проеме лестницы и спустилась в трактир.

– И кто же теперь в Белокаменной верховодит? – Широкоплечий с пшеничного оттенка волосами парень, сидевший рядом с Обухом, посмотрел на Бесшабашного.

– Сестры Вайсман, Павлуша. То есть бабы. – Широкое лицо Пафнутия расплылось в улыбке, напоминающей оскал.

– Где это видано, чтобы бабы серьезными делами ворожали? – Голос тугоухого Ивана наверняка был слышен и на

улице.

Бесшабашный махнул на него рукой:

– Ты бы уж молчал, Тетерев. А то так орешь, что твой голос и в полиции небось слышно. Знай себе, слушай и молчи. Когда надо будет, сам спрошу. Заговоришь тогда. У тебя кости ломать хорошо получается, а как рот раскроешь, так беды с тобой не оберешься.

Сидевший рядом с Иваном Колченогий, парнишка лет восемнадцати, ткнул соседа локтем.

– Молчи, тебе говорят, а то Пафнутий башку твою разнесет. А как ты потом без башки-то будешь?..

Парень не успел договорить. Иван приподнялся со стула во весь свой гигантский рост и угрожающе навис над задирой.

– Сам слышу, кто что говорит. Ты мне в переводчики не набивайся! – прокричал Иван и для острастки замахнулся на Колченогого кулаком.

– Заткнитесь там все. Послушать дайте, что говорят.

Властный баритон Василия Обуха заглушил шорох на другом конце стола. Даже Иван обратил на него свой взгляд и незамедлительно сел на место.

Пафнутий продолжил:

– Так вот, говорю я вам это не для того, чтобы вы рты свои поганые раскрывали. Это Обух правильно сказал. А говорю я это для того, чтобы вы в толк взяли. Москва – это вам не Ростов. Это жила золотая. Прииски по сравнению с нашей Бо-

готяновкой. Ясно? Если ихних сухаревских да хитрованских к рукам прибрать, так за это каждый из нас себе дорожки в домах платиной устлать сможет. И бриллиантами расшить.

Большая часть присутствующих за столом побросали ложки и с открытыми ртами внимали своему пахану.

Даже Иван, забыв про своего обидчика-соседа, слушал, не спуская с Бесшабашного внимательного взгляда.

– Вот так-то. Ну а что с бабами сладить – не подковы гнуть. Это и так понятно. Вам моя мысль ясна? – Пафнутий обвел глазами своих подопечных.

– Да неужто хочешь и московских к рукам прибрать? – Митька, забыв про пироги с капустой и обжаренную в жиру свиную ножку, с открытым ртом уставился на Бесшабашного.

– А почему бы и нет? – Пафнутий зачерпнул ложкой соленой капусты с сахаром и вывалил ее рядом с рыбой в свою тарелку. – Там из авторитетных воров Кеша Крестовый да Павел Змей остались. Да и те уже небось на отдых отправились. Деньжат-то понажили. Хватит. Надо и честь знать. А коли не успокоились они, так этому делу помочь можно. Слава богу, сил у нас достаточно.

– А то! – Митька, заметно воодушевившийся после того, как Пафнутий озвучил свое «дело», вскочил со стула. – Да мы с Иваном одни чего стоим...

– Сядь. – Пафнутий встал и одним движением руки припечатал Черного обратно к стулу. – Вот тебе-то теперь в сто-

лице делать нечего. После того, как ты барыгу кончил. Не скрою, хотел я тебя вместе с Обухом на это дело снарядить, но теперь не буду.

– Почему? – вскипятился Митька.

– Потому что тебя городовые на вокзале уже скрутят и по этапу прямо с поезда и пустят. – Бесшабашный опрокинул в рот остатки настойки и закусил хрустящим огурчиком. – Обух на это дело поедет и Генка Безродный.

Генка, молчаливый с добродушными коровьими глазами брюнет, примостившийся с края стола, поднял голову. От удивления его огромные глаза с загнутыми кверху пушистыми ресницами округлились еще больше. Неожиданно проявленное к его скромной персоне внимание заглавного было приятно, и вместе с тем оно взволновало Генку.

– А я как же? – Митька метнул на Безродного испепеляющий взгляд. – Пафнутий, да неужто я не такой ловкий, как Генка, что ты мне так не доверяешь?

– Замолчи, Черный! – Громогласное замечание Обуха очередной раз заглушило голос пыхтящего обидой собеседника. – А с Пафнутием кто тогда останется, если меня здесь не будет? Ты на себя пока все мое возьмешь. Это тебе тоже, я скажу, не по девкам бегать.

– А я по девкам и не бегаю, они сами ко мне приходят. – В Митькиных интонациях промелькнули самодовольные нотки. Успокаиваясь, он добавил: – А насчет Пафнутия ты прав. Надо же кому-то и здесь остаться. За тебя, пока ты в Москве

будешь, останусь.

– Ладно, с этим разберетесь. – Пафнутий сыто икнул. – А в Москву чтобы завтра же выехали. Да, если какое дело не заладится, можете смело всех местных воров на перо поднимать.

– И сестер Вайсман? – Безродный захлопал ресницами.

– И сестер Вайсман, и Кешку Крестового, и Змея. Всех. Мне надо, чтобы Москва под нас согнулась. Тогда мы будем неограниченной властью пользоваться и тут уже можно будет развернуться.

Пафнутий потянулся за печеным яблоком и откусил от него половину. Каждый из присутствующих задумался о ма-
нящих перспективах, которые открывались перед ним с за-
воеванием московской воровской коды.

Глава 9

На ковре

– Да-с, ваше благородие, влопались мы. Никак иначе, по самую маковку. И ведь как некстати все!..

Генерал-губернатор Кирилл Матвеевич выглядел скорее озабоченным, чем разгневанным. Собираясь на прием к градоначальнику, Пороховицкий ожидал менее благодушного настроения. Кривотолки, которыми обросло дело Мартынова, с каждым днем приобретали все более неправдоподобный характер. Поэтому Пороховицкий и в канцелярии генерал-губернатора ожидал внушительной выволочки.

– Садитесь-садитесь, Петр Лазаревич. В ногах-то правды нет. Поверьте мне, армейскому человеку.

Пороховицкий опустился на предложенный генералом стул. Старик продолжал медленно, прихрамывая на правую ногу, перемещаться по комнате.

– Дело у меня до вашего ведомства имеется. Простите уж, что от службы отрываю. Понимаю, что из столичного департамента вас, Петр Лазаревич, понукают. В отношении дела этого, как его?.. Мартынова. Да, нужда заставляет. Комиссия у нас из Петербурга предвидится. Так-то, – заключил Бездомников и, остановившись около окна, принялся отирать пот с висков.

– Вот оно что! Ну что ж, придется встречать столичных

гостей. Не впервой, – Пороховицкий с облегчением вздохнул.

– Не в первой-то оно не впервой... Да только заботит меня, что беспорядки у нас повсеместно чинятся. Комиссию, сами понимаете, уважить надо. Обед званый устроить. А как, скажите, нам это повернуть? А коли бандиты те беспорядок очередной затеют? Нет уж, батюшка, увольте! Позор такой на свою седую голову принять никак не могу. Всю жизнь свою прожил, и чтобы под венец так оплошать!.. Я вам вот что скажу, Петр Лазаревич: ко времени прибытия гостей надобно, чтобы с этим Мартыновым было покончено. Негоже нам с вами позор такой на свою душу принимать, согласитесь.

– Не могу спорить, Кирилл Матвеевич! – Пороховицкий повторил жест градоначальника и смахнул со лба крупные капли пота. – Совершенно невозможно оплошать перед членами комиссии. Только ваши опасения насчет налетчика и его банды совершенно напрасны. Смею вам доложить, что во время последней операции один из налетчиков был убит околоточным. А сам Мартынов серьезно ранен. Посему, ваше превосходительство, можно совершенно не опасаться, что нечто, подобное безобразиям в «Континентале» и «Славянском базаре», повторится вновь. Преступник, так сказать, обезврежен. Мартынов не способен сейчас что-либо предпринять. Даю полную на то гарантию!

– Да как же это обезврежен?! – Генерал строго посмотрел

на Пороховицкого поверх очков. — Мне совсем противоположное доложили. Что, мол, ранен он, да и только. А коли ранение его несерьезно, так он ведь и диверсию учинить может. Поверьте мне, армейскому человеку...

— Ваше превосходительство, Кирилл Матвеевич, совершенно с вами согласен. Однако, — прервал монолог генерала Пороховицкий, — и полицейские чины не дремлют! Отряды полицейских по всей Москве денно и нощно рыскают в поисках бандита! И покуда не поймают, не остановятся. Таков был мой приказ.

Генерал, казалось, не слушал Пороховицкого. Поглощенный своими мыслями, он неторопливо пересек кабинет и приблизился к столу, рядом с которым сидел полковник.

— Гарантию-то вы, батюшка, даете, а вот коли все не так случится? — заговорил Бездомников, усаживаясь в кресло. — Мой армейский опыт подсказывает, что раненый солдат может быть еще опаснее, чем здоровый. Он становится хитер, и злобы в нем больше... Нет уж, батюшка, пока вы мне того Мартынова в острог не заточите да на каторгу под конвоем не спровадите, не успокоится мое сердце. Как есть говорю, Петр Лазаревич. Пожалейте вы меня, старика. Нервы-то у меня уже ни к черту. Лечиться вот приходится.

Генерал выдвинул ящик стола и достал оттуда флягу в соломенной оплетке.

— Вы, Петр Лазаревич, подлечиться не желаете?

— Благодарствую, ваше превосходительство. Никак нет-с.

Я после, за обедом...

Полковник незаметно для Кирилла Матвеевич глянул на циферблат часов, установленных за спиной градоначальника. Время неумолимо летело вперед, а разговор, судя по настрою генерала, только начинался.

– Да-с, Петр Лазаревич, – начал Бездомников, возвращая в ящик стола опорожненную рюмку и фляжку. – Надобно еще одно добавить к сказанному. Давеча мне доложили, что ювелирную лавку Войновича какие-то бандиты взломали да все добро оттуда унесли...

– Совершенно так. – Пороховицкий сдержанно кивнул. – Вынужден признать. Случилось это в то же время, что и налет в ресторане «Славянский базар». Сторожа, душегубы, задавили. Городового дозваться не успел. А ведь тот поблизости был. Коли заприметил бы воров, то все по-другому обернуться бы могло.

– Да-с... Дела... – протянул генерал, вставая. – Я об этом, батюшка, у вас потому спросил, что Войнович этот уже много шума в нашем управлении понаделал. Говорит, что жаловаться в Петербург будет. Так я вас упредить хотел. У этого Войновича связи в столице имеются. Как бы эти жалобы его беды нам не наделали. Вы уж, постарайтесь, Петр Лазаревич. Отыскать надобно товар его. А то... Как бы чего не вышло для нас с вами. Комиссия-то она хоть и из простых смертных состоит, да не всякого чиновника можно угощениями пробрать. Вдруг да кто заартачится. Депешу ведь могут импе-

ратору подать, что, дескать, в Москве бесчинства сплошные творятся. Никому от этого лучше, батюшка, Петр Лазаревич, не будет! Так-то! Надо нам с вами за город свой постоять!

— Надо, ваше превосходительство. За предостережение благодарствую. Накажу полицейским, приставам да около-точным все малины на Хитровке прочесать. Все майданы до приезда комиссии почистить. Так, чтобы ни одна мышь мимо не пробежала. Будьте уверены, ваше превосходительство, что до моего ведомства касается, все сделаю в лучшем виде. — Пороховицкий вновь бросил взгляд на часы, а затем встал и почтительно поклонился: — Ваше превосходительство, Кирилл Матвеевич, разрешите откланяться сейчас. До похорон Андрея Дмитриевича надо успеть приказание полицейским отдать, чтобы облавами занялись. Да еще, думаю, надобно будет к этим делам гарнизон солдат привлечь. А для того сношение с военным ведомством устроить придется, чтобы уж наверняка изловить супостатов до приезда гостей из Петербурга.

— Насчет гарнизона это вы толково удумали, согласен с вами. Я сам могу с генералом за вас потолковать, чтобы людей выделили, — генерал, опершись двумя руками на стол, поднялся со своего места. — А что до похорон Андрея Дмитриевича касательно, это вы правы. Уже ведь через два часа выносить его будут. Да-а... Как мне сказывали, Андрей Дмитриевич едва не застрелил этого вашего Мартынова. Эх! Царствие ему небесное! Ведь какой стрелок был! Лучший охот-

ник в губернии! И как только могло произойти такое? Вот случай-то. Уж правду говорят, кому что на роду написано, так тому и быть. И ведь в ресторанах-то он нечасто бывал, а как назло именно в тот день отужинать решил в «Славянском базаре». Поверить не могу, чтоб чиновных людей так бесовестно преступники в ресторанах расстреливали.

– Не травите душу, Кирилл Матвеевич! Поверьте, околоточные сделали все, что могли, чтобы спасти жизни тех, кто оказался в тот злополучный день в ресторане. А Андрей Дмитрич действительно большая утрата для всех нас. Каждый из служащих в полиции теперь почтет своим долгом Мартынова этого изловить. Так-то!

– Да, батюшка. – Кирилл Матвеевич проводил полковника до двери. – Ну, не прощаюсь с вами. На поминках увидимся. Желаю вам всего наилучшего, Петр Лазаревич. Уж мы с вами не должны лицом в грязь-то перед столичными ударить. Уж постарайтесь, что до вашего ведомства касается, все дела уладить. А что до городских дел, то здесь уж мы постараемся, чтоб все в лоске было.

– Будьте покойны, Кирилл Матвеевич. Все уладим, не будь я Пороховицким!

Полковник вновь поклонился и перешагнул порог кабинета. Лакей затворил за ним дверь.

Пороховицкий облегченно вздохнул, оказавшись в просторном коридоре, и поспешил по ступеням вниз. Покидая резиденцию градоначальника, он думал только об одном: как

бы побыстрее оказаться в своем кабинете. Пора ожидалась жаркая. Комиссия из Петербурга, так не вовремя спущенная из столицы, не пощадит никого.

Глава 10

Вы просто обворожительны, сударыня!

Мартынов с трудом разлепил веки и осторожно огляделся по сторонам. Первое, что пришло Арсению в голову, было то, что он оказался уже в раю. Белый потолок, белые стены с длинными бесформенными тенями на них, отбрасываемыми пляшущими огоньками свечей.

Общее впечатление рая, такого, каким его и представлял себе Арсений Мартынов, усиливало склоненное над ним ангельское личико с ниспадающими белокурыми локонами и бездонно-голубыми глазами. На подбородке ангела красовалась выразительная ямочка, и почему-то именно на ней Мартынов остановил свой все еще заметно блуждающий взгляд в первую очередь. И только после этого заглянул ангелу в глаза.

Пришло воспоминание. Мартынов понял, что ему уже доводилось прежде видеть это ангельское лицо. Всего один раз, но... Не запомнить его было нельзя. Девушка сидела в той самой пролетке, куда он вспрыгнул раненый после перестрелки в «Славянском базаре». А потом что? Кажется, он потерял сознание, отключился. А теперь...

Арсений усилием воли заставил себя оторваться от лица

девушки и повел глазами по всей комнате. Кроме них двоих, тут никого больше не было. И место Мартынову определенно не казалось знакомым.

– Где я? – сухими потрескавшимися губами произнес он.

Однако девушка, вместо того чтобы ответить на поставленный вопрос, помогла Мартынову приподнять голову и поднесла ему стакан с водой. Арсений сделал несколько неторопливых глотков и почувствовал, как живительная влага возвращает ему привычную трезвость мысли. Он вспомнил все. И как они вошли в «Славянский базар», и как направились на заранее подготовленную засаду. Носатый полицейский, гибель одного из подельников, собственное ранение... Ему удалось спастись. И, скорее всего, благодаря этой самой девушке, с улыбкой сидевшей сейчас у изголовья его ложа. А что стало с Егором? Этого Мартынов не знал.

Он слегка повернул голову и обнаружил, что его плечо искусно перебинтовано. Пятен крови совсем не было видно. О нем надежно позаботились.

– Где я? – повторил свой вопрос Мартынов.

– Среди друзей, – улыбнувшись, ответила девушка с ангельским личиком.

– Друзей? Каких друзей? Кто вы?

Легким взмахом руки, украшенной сапфиром на безымянном пальце, девушка отбросила со лба прядь белокурых волос. Мартынов уже был не в силах оторвать от нее глаз. Ему казалось, что никогда в жизни он еще не встречал со-

здания более прелестного и обворожительного.

– Меня зовут Елизавета Вайсман, – представилась она. – Полагаю, с учетом вашего образа жизни, молодой человек, вам приходилось слышать это имя?

Мартынов чуть не задохнулся. Он предпринял немедленную попытку сесть на кровати, но острая боль под лопаткой заставила его вновь откинуться на подушки.

– Вайсман? – переспросил он. – Вы хотите сказать, что вы?..

– Да. – Лиза адресовала раненому еще одну сногшибательную улыбку. – Я – одна из сестер Вайсман. Дочь Михайло Вайсмана. И вы, кстати, угрожали мне оружием. Помните?

– Простите. – По лицу Мартынова было видно, что на самом деле он несколько не мучается угрызениями совести. – Но, боюсь, у меня не было выбора. То, положение, в которое я попал по стечению обстоятельств... Полагаю, теперь настала моя очередь представиться?

– Можете себя не утруждать. Я догадалась, кто вы такой. В последнее время вся Москва только и говорит об отчаянном налетчике Арсении Мартынове. Стрельба у «Славянского базара», а затем ваше появление с огнестрельной раной под лопаткой – красноречивее любых рекомендаций.

– Моя популярность опережает меня самого.

– Вы правы. Только должна вам сказать, – Лиза неспешно вставила в длинный мундштук папиросу и прикурила, – что

эта ваша популярность едва не стоила вам жизни. Полиция имеет на вас большой зуб. Как вы думаете, чем бы все закончилось, если бы по счастливой случайности я не проезжала вчера мимо «Славянского базара»?

– Полагаю, меня бы убили, – спокойно ответил Мартынов. – Но до этого я бы успел захватить с собой на тот свет парочку легавых. А то и больше.

– Право, вы абсолютно бесшабашны, – сказала Лиза с небольшим укором.

– Что поделаешь? Таким уж я уродился.

– Вы – дворянин?

Лицо Мартынова на мгновение омрачилось. Лиза заметила это, но тем не менее продолжала выжидательно смотреть молодому человеку в глаза.

– Мне не хотелось бы поднимать эту тему. – Арсений прикрыл, а затем снова поднял веки. – Во всяком случае, сейчас. В моей жизни вообще происходило много такого, о чем вспоминать не слишком приятно. За исключением знакомства с вами. Если мы узнаем друг друга получше, то может быть...

– О! Вы еще и совершенно бестактны! – Лиза пустила вверх тонкую струю дыма.

– А вы обворожительны, сударыня! И я вынужден просить прощения за столь банальный комплимент.

– Я вас прощаю, потому как вы не совсем еще оправились и, вероятно, плохо владеете собственными мыслями.

– Уже гораздо лучше. – На этот раз Мартынов смог приподняться с подушек и принял на кровати полусидячее положение. – Благодаря вам, я ваш вечный должник, Лиза.

– Давайте поговорим об этом позже. – Лиза поспешно поднялась на ноги, и Мартынов не без удовольствия отметил, что ему все же удалось смутить собеседницу. С каждой минутой девушка нравилась ему все больше и больше. – Вам сейчас требуется отдых. Лежите и набирайтесь сил.

– А потом? – Арсений просящее заглянул Лизе в глаза. – Что будет потом?

– Потом мы обсудим ваше поведение. И ваш образ жизни. Что бы вы там ни говорили, но его необходимо менять.

– Я не хочу ничего менять!

– Часто жизнь вносит коррективы, невзирая на наши желания, – проявила философскую рассудительность Лиза.

– И что же это за коррективы?

– Прежде всего нужно быть осторожнее. И осмотрительнее. Для нашей с вами профессии – это первое дело. – Она лукаво улыбнулась при этом. – Подумайте, Арсений. У вас пока достаточно времени для этого. Я еще навещу вас.

– Не уходите! Прошу вас! – взмолился Мартынов.

Как это ни странно, но сейчас ему казалось вполне естественным, что он вот так лежит на кровати, а Лиза находится рядом. Разговаривает с ним, улыбается, а он внимает каждому ее слову. Мартынову хотелось наслаждаться тембром ее голоса как можно дольше. Что-то подсказывало лихому

налетчику, что той встрече у «Славянского базара» суждено было стать переломной в его судьбе.

– Я должна, – твердо произнесла Лиза и вышла из комнаты, мягко прикрыв за собой дверь.

Мартынов остался один. Осторожно ощупал раненое плечо. Тупая ноющая боль под лопаткой не казалась такой уж изматывающей. Арсений был уверен, что при надлежащем уходе не сегодня-завтра он сможет подняться на ноги. А еще через день вновь уверенно держать в руках оружие.

Оружие!

Мартынов повернул голову и не без удивления отметил наличие собственного «нагана» на сиденье сафьянового дивана в противоположном углу комнаты. Рядом покоилась и его верхняя одежда.

– Ангел, – беззвучно прошептал Мартынов одними губами, блаженно закрыл глаза и позволил себе задремать.

Во сне ему снова явилось очаровательное лицо Лизы.

Глава 11

Потомственный медвежатник

Поликарп вполне мог бы сойти за добропорядочного дворянина. Постукивая тонкой тросточкой по булыжникам мостовой, он неспешно приближался к дому известного лесопромышленника купца Крепышкина.

Пролетка, запряженная тысячным рысаком, остановилась в двух кварталах от купеческой усадьбы. Извозчик – кучерявый рубаха-парень – проворно соскочил с козел и под уздцы потащил лошадь к раскидистому клену. Патрулирующий улицу околоточный, не заметив ничего подозрительного, скрылся за углом дома. Кучер витиевато выругался и довольный, что ему удалось сохранить инкогнито, влез снова на козлы.

Город вступал в ночную жизнь.

Именно в это время вдовый купец Крепышкин обычно выезжал в Купеческий клуб. Сегодня клуб ожидал русский хор из «Яра». Крепышкин в предвкушении замечательнейшего вечера в компании красавицы-певицы Аделаиды, надушенный, вышел из дома. Тройка орловских чистокровок ждала его у парадного подъезда.

Через четыре часа, уже за полночь, упряжка, звеня бубенцами на всю округу, доставит хозяина в обществе Аделаиды к купеческой усадьбе...

Сейчас же тройка резво проскакала по мостовой и скрылась за углом, оглашая улицу стуком копыт.

Поликарп ускорил шаг. Не доходя до усадьбы Крепышкина, он остановился и поставил на землю небольшой чемоданчик. Сложив пальцы дудочкой, «добропорядочный господин» громко свистнул, как заправский хитрованский обורванец. Тут же неизвестно откуда перед ним объявился мальчишка лет двенадцати в потрепанном пальто не по росту и опорках, надетых на босу ногу.

Мальчишка, не вынимая рук из карманов, приблизился к господину с тростью.

– Ровно через десять минут уведи сторожа. – Поликарп снял с головы котелок и аккуратно поправил пенсне в тонкой золоченой оправе. – Как все сделаешь, свистай Митрофана... Да пусть не останавливает экипаж у дома, я на ходу впрыгну. И сам, смотри, не зевай... Коли поймают, в Сибирь отправят, несмотря что маленький. А все хорошо исполнишь, так двугривенный заместо гривенного получишь. Понял?

Сверившись с часами, мальчишка стремглав бросился к воротам крепышкинского особняка.

– Кто там? Кого на ночь глядя несет? – послышался за калиткой сиплый голос старика-сторожа, сопровождаемый злобным собачьим лаем.

– Открывай, старик. Пса своего на цепь не забудь посадить. У барина колесо соскочило, велел тебя звать, – заголо-

сил оголец. – Телега ихняя за углом стоит. Пошевеливайся! Барин там ямщика уже вусмерть забил. Спешат они, а ты тут заснул, как конь в оглоблях!..

За воротами загремела цепь. Собачий лай стих. Тяжелая калитка, скрипя, отворилась. Из темноты двора выглянуло бородатое лицо старика.

– Дуроплясина! Дьявол тебя принес, – запричитал сторож и скрылся во дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.